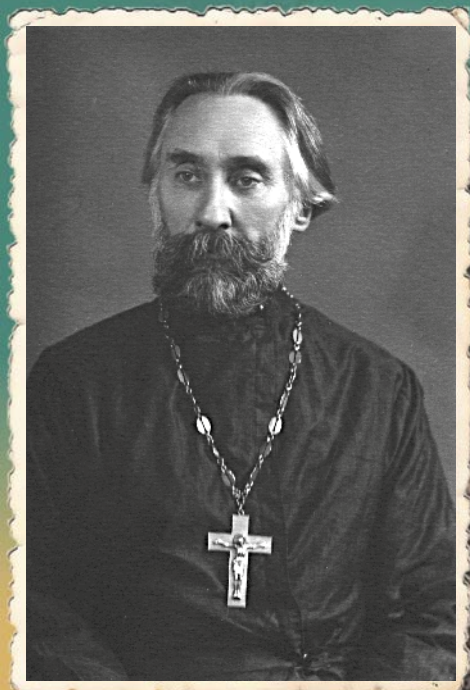

Протоиерей Владимир Шамонин

ТРИ ГОДА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

По благословлению Митрополита
Пермского и Кунгурского Мефодия

Министерство культуры Пермского края
Музей-заповедник «Пермь-36»

Протоиерей
Владимир Шамонин

ТРИ ГОДА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Пермь 2023

УДК 343.43(571.6)(093.3)+271.2-725
ББК 63.3(2)614-361
Ш 19

Редакционная коллегия:
П.В. Миков, Н.Ю. Семакова, В.В. Дегтярников,
М.Г. Нечаев, Т.А. Лысковцева, М.А. Дорофеева

Ш 19 **Шамонин В. «Три года на Дальнем Востоке»** / Владимир Шамонин. –
Пермь: ИП Худяков С.А., 2023. – 160 с.: илл.

16+

ISBN 978-5-6047513-9-8

«Три года на Дальнем Востоке» – пронзительное по своей сущности произведение, которое позволяет современному читателю полностью погрузиться в суть происходивших в нашей стране в тридцатые годы прошлого века событий.

Автор – протоиерей Владимир Шамонин без передергивания и спекуляций передает все, что ему и другим узникам Дальневосточного исправительно-трудового лагеря пришлось пережить.

«Три года на Дальнем Востоке» – уникальное документальное свидетельство времени. В полном объеме это произведение публикуется впервые.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Издано при личной поддержке П.В. Микова, А.В. Крутень, Т.М. Высоцкой (ООО «Металлист», город Кунгур), И.Б. Чирковой и других православных пермяков, при участии музея-заповедника «Пермь-36».

Использованы фотографии из коллекции музея-заповедника «Пермь-36», из частной коллекции О.Ю. Куликова (С-Петербург), из коллекции Духовно-просветительского центра «Георгиевский дом» (Пермь).

ISBN 978-5-6047513-9-8

И В КНИГАХ ПАМЯТЬ ГОРЬКАЯ ЖИВА...

Однажды в приёмной Уполномоченного по правам человека в Пермском крае на столе была оставлена рукопись – в амбарной пожелтевшей от времени книге, удивительным каллиграфическим почерком были начертаны стихи. Принесла эту рукопись Татьяна Анапольевна Лысковцева, хранитель поэтического наследия автора – протоиерея Владимира Шамолина. Сначала бегло просмотрев, а потом прочитав отдельные стихотворения, решил для себя, что книга должна выйти в свет. Совместно с пермским журналистом и краеведом Вячеславом Дегтярниковым и Татьяной Лысковцевой решили создать редакционную коллегия по подготовке рукописи к изданию. Чуть позже к нам присоединились кандидат исторических наук Михаил Нечаев и филолог Мария Дорофеева. Неоценимую помощь в подготовке к печати книги оказала Алла Мезенцева.

Об обретении рукописи священника из Санкт-Петербурга, жизненном пути Владимира Шамолина в своих статьях повествуют Вячеслав Дегтярников и Татьяна Лысковцева, дочь протоиерея Зоя Шамолина. В своём очерке Михаил Нечаев вводит современного читателя в контекст трагических событий Русской Православной Церкви в 1920-1940-е годы. В небольшом очерке иеромонаха Андрея Бартова и Татьяны Лысковцевой читатель познакомится с жизненным путем отца Валентина Другова, сохранившего для нас творческое наследие Владимира Шамолина. Литературоведческий анализ поэзии отца Владимира представляет исследователь его жизни и творчества из Санкт-Петербурга Олег Куликов.

Пронзительно, честно, но с верой, сохранением любви к человеку и Богу воспринимаются созданные Владимиром Шамолиным стихотворения о лагерной жизни и быте на Дальнем Востоке. Казалось бы, всего три года лагерей (в более поздние годы – это, как метко подметил Варлам Шаламов, также получивший свой первый срок на три года в IV отделение УСЛОН (на Северном Урале, на Вишере), был «детский срок», но с документальной достоверностью, образным языком, в котором есть место и дореволюционным словам (Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года в советской историографии), и лагерной фене, автор описывает свою жизнь в нечеловеческих условиях советской лагерной системы.

Будучи Уполномоченным по правам человека в Пермском крае в 2017-2022 годах, считал для себя важным участие в реализации государственной концепции увековечения памяти жертв политических репрессий. Первым

Уполномоченным по правам человека в Прикамье – Татьяной Марголиной (2007–2017 г.г.), был инициирован издательский проект «Библиотека Уполномоченного по правам человека в Пермском крае». Традиция мною была продолжена. Ведь в книгах хранится память, пусть иногда и горькая – но память!

В рамках издательского проекта «Библиотека Уполномоченного по правам человека в Пермском крае» благодаря пермским историкам, краеведам, журналистам были изданы сборники очерков: «Оставаться человеком в любых обстоятельствах. Прикамье. XX век: Путеводитель» (2018 год) – о людях, чья жизнь тесно сплелась нитями репрессированной судьбы с Прикамьем, а также сборник очерков о подвергшихся гонениям священнослужителях Прикамья «С верой в душе, совестью в сердце» (2019 год).

Все пять лет своей службы мы тесно сотрудничали с музеем-заповедником истории политических репрессий «Пермь-36». Так в свет вышли сборники материалов по итогам ежегодных научно-практических конференций:

- «От «Авроры» до философских пароходов. Борьба с инакомыслием в первые годы Советской власти (1917 – 1920-е гг.). Региональный аспект» (2019 год);
- «Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг. Личность и власть» (2020 год);
- «Война нас гнула и косила: судьбы людей на войне и в тылу» (2021 год);
- «Время надежд: XX съезд КПСС. Причины, последствия, нереализованные возможности» (2022 год).

В рамках лекционно-просветительской площадки «КВЧ» (культурно-воспитательная часть) музея-заповедника «Пермь-36» состоялась серия публичных лекций учёных, историков, журналистов. Уполномоченный по правам человека выступал модератором лекций, а также поддержал издание сборника текстов лекций участников проекта «Культура. Власть. Человек» (2021 год).

При поддержке Уполномоченного были изданы сборники лучших работ школьников Пермского края – дипломантов Всероссийского конкурса «Человек в истории. Россия – XX век»:

- «Память бережно хранится. История России XX века глазами школьников» (2020 год);
- «Листая семейный альбом» (2021 год).

В 2021 году Уполномоченным по правам человека в Пермском крае издан наиболее полный вариант последнего произведения Варлама Шаламова «Вишерский антироман». Подготовкой издания занималась редакционная коллегия, в состав которой вошли историк, кандидат культурологии, известный российский писатель, публицист, один из ведущих исследователей жизни и

творчества Варлама Шаламова, научный руководитель российского сайта о В. Шаламове Валерий Есипов и кандидат исторических наук, доцент ПНИПУ Михаил Нечаев, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, директор музея-заповедника «Пермь-36» Наталья Семакова, заведующий архивным отделом администрации Красновишерского городского округа Константин Остальцев, директор государственного природного заповедника «Вишерский» Павел Бахарев, специалист по связям с общественностью музея-заповедника «Пермь-36» Вячеслав Дегтярников.

В сборнике впервые было опубликовано полное содержание книги Варлама Шаламова «Вишерский антироман», включающей недавно найденные материалы из архива писателя. В издание также включены стихи Шаламова, связанные с его пребыванием на Северном Урале и произведения из «Колымских рассказов», основанные на вишерских сюжетах.

Новая книга, которую сейчас вы держите в руках, обязательно должна была выйти в свет! На встрече 14 октября 2022 года, в День Покрова Пресвятой Богородицы, с Митрополитом Пермским и Кунгурским Мефодием рассказал ему о нашем замысле по изданию рукописи протоиерея Владимира Шамонина. Внимательно выслушав, Владыка благословил нашу редакционную коллегия на этот труд.

Современному читателю книги, скорее всего, многое будет не сразу понятно. Потребуется заглянуть в словари, справочники. Но читатель почто уловит дух книги, основанный на надежде и вере в лучшее, тюремном братстве, и Божией любви. Надеюсь, что найдётся заинтересованный исследователь, которому суждено будет создать научно-популярный комментарий к сюжетам книги.

Выражаю признательность Вячеславу Дегтярникову, Татьяне Лысковцевой, Михаилу Нечаеву, иеромонаху Андрею Бартову (Санкт-Петербург), Олегу Куликову (Санкт-Петербург), Марии Дорофеевой, Алле Мезенцовой, Татьяне Высоцкой, Анастасии Крупень, Инне Чирковой и другим добрым православным пермякам, пожертвовавшим на издание книги, Натальи Семаковой и музею-заповеднику «Пермь-36», духовно-просветительскому центру «Георгиевский дом» (Пермь), Елене Дудиной и пермскому издательству ИП Худяков С.А. за деятельное участие и личную помощь в издании книги протоиерея Владимира Шамонина «Три года на Дальнем Востоке».

Павел Миков

«Что нужно после, что в начале укажет Божия Рука»: жизнь и судьба протоиерея Владимира Шамонина

«Дорогому батюшке Валентину Степановичу от лица всех Парголовских жителей и моей семьи шлю поздравления с праздником Рождества Христова. Желаю всех благ в общественной, служебной и семейной жизни. Все рады Вашему священству. Вспоминаем благочестивого защитника Родины, мысленно ждём доброго пастыря... Шлём привет матушке и детям. Прот. Владимир Шамонин» – гласит надпись на обороте фотографии, присланной в Рождество 1956 года в село Васильевское Ильинского района Молотовской области. Фотографию из-под Ленинграда выслал своему пермскому знакомому Валентину Другову известный в православном Пипере священник – Владимир Шамонин.

Интересна история знакомства этих людей. После боёв под Кёнигсбергом военная часть, в которой служил старший ефрейтор Валентин Другов, была дислоцирована в местечке Шувалово. Там в Спасо-Парголовском храме служил хорошо известный на всю округу протоиерей Владимир Шамонин. Стапная осанка и военная выправка выдавала в этом священнике бывшего курсанта военного училища. Два воина быстро подружились, эту духовную связь они сохраняют на всю оставшуюся жизнь.

Владимир Шамонин родился в Орле в 1882 году, в старинном дворянском роду. В десять лет по настоянию отца он поступил в Санкт-Петербурге в Александровский кадетский корпус. Вот как опишет этот период в его жизни дочь протоиерея Владимира Шамонина Зоя: «В Корпус Володя пошёл охотно. Учился хорошо, с интересом, хотя ничем особенно не выделялся. Интересовался больше законом Божиим, липературой и гимнастикой».

Затем Владимир продолжил обучение в Павловском военном училище, именно там у будущего пастыря появилась твёрдая решимость завершить военную карьеру и поступить в духовное училище. Это стремление не одобряли родственники, они считали, что дворянский отпрыск должен продолжить семейную традицию и стать военным. Исполнить свою мечту Володе помог случай. У юноши рано открылся липературный талант и острое ощущение времени. В 1901 году в своей автобиографической поэме «Павловское военное училище» он напишет следующее строки:

*Вот ночь идёт, а я дежурю
С печальной музой вдвоём
В душе переживаний буря:
Я не могу забытья снам*

*О, Государь! Ты если б ниже
Спустился с царственных высот –
Мои истину увидеть ближе,
И понял бы простой народ...*

*Как Чаадаев, письма сразу
Шлю Государю во дворец.
Кровавую предвижу драму
Царя насильственный конец.*

Прозорливого юношу приняли за сумасшедшего, его насильственно помещают для излечения в Николаевский военный госпиталь, а затем последовал арест и заключение в Петропавловскую крепость. Арестантов крепости посетил с пастьырским визитом митрополит Петербургский Антоний (Вадрковский), по его ходатайству Владимира Шамонина освободили.

*Лишён я юнкерского званья,
Я – бывший рядовой теперь.
Я – в первобытном состоянии,
Как некий человеко-зверь.*

*Но для меня открылись дали,
И цель заветная близка.
Что нужно после, что в начале
Укажет Божия Рука.*

И вновь обратимся к воспоминаниям дочери Владимира Шамонина Зои: «Получив освобождение как «непригодный к военной службе», начал старательно готовиться к экзаменам для поступления в Духовную академию. Готовился без репетиторов, по книгам и беседам с выдающимися духовными лицами, подкрепляя себя ночной молитвой и посещением святынь города и губернии. Экзамены сдал успешно, вызвав у приёмной комиссии похвалу и удивление своей подготовкой...»

После окончания Духовной академии Владимир Шамонин задумался о постриге. Чтобы утвердиться в своём решении он отправился за советом и благословением в Оптину Пустынь. Владимир рассказал о своём желании стать монахом. Однако получил совершенно другой ответ, вот как описывает эти события

его дочь: «Володя с надеждой подошёл к дверям келии старца, прочитал молитву и, перекрестился после ответа «Аминь», вошёл. Поклонился старцу и, получив благословение, молча ожидал вопроса: «Что тебе?». Тогда Володя, восторженно глядя на старца, смело и радостно ответил: «Батюшка! Благословите на монашество!». Лицо старца стало суровым, даже сердитым, он закричал: «Куда?! Ты с ума сошёл! В монашество! Ишь что выдумал – прятаться в келию носом, носом (показывая образно, как это носом), а тебе надо перед народом стоять!»

Слова старца оказались пророческими, после революции протоиерею Владимиру Шамонину действительно пришлось в прямом и переносном смысле сползать за веру. Благодаря его усилиям удалось сохранить знаменитую святыню Пётрбургга – чудотворную икону Божией Матери «Скоропослушница».

Из воспоминаний Зои: «В начале 30-х годов пришёл приказ о закрытии Никола-Александровского храма. Лик Божией Матери потемнел и опечалился. Отец Владимир выхлопотал, чтобы чудотворную икону Божией Матери «Скоропослушница» не передавали в музей. Вскоре его перевели в храм Бориса и Глеба на Неве, о котором сам говорил раньше: «У Бориса и Глеба не хватает хлеба». Туда же переместили и икону из закрытого храма. И что же вышло? Очень скоро и икона и сам он собрали так много людей, что храм из ранее почти всегда безлюдного превратился в полный народа».

В 1931 году семью отца Владимира выслали из Ленинграда, а затем в 1933 году его арестовали и оправили в Дальневосточный исправительно-трудовой лагерь. После лагеря ссылка в село Уни на реке Лумпун в Кировской области и только в 1944 году после вмешательства будущего Патриарха Московского и всея Руси Алексея I (тогда Ленинградского митрополита) Владимиру Шамонину удалось воссоединиться с семьёй. 2 июня 1944 года он начал служить в Спасо-Парголовском храме в местечке Шувалово. Там судьба и свела двух человек: бывшего воина Валентина Другова и воина Христова Владимира Шамонина.

Вскоре после встречи и знакомства, в конце 1954 года, Валентин Другов был рукоположён в дьяконы, а с 15 февраля 1955 год в сан священника и назначен настоятелем Вознесенской церкви с. Васильевского Ильинского района Молотовской области. В 1967 году 3 декабря протоиерей Владимир Шамонин отошёл ко Господу. Однако и после этого события духовная связь семьи Шамониных и Друговых не прервалась.

Дочь отца Валентина Другова, Ольга, стала частым гостем в Ленинграде в семье Шамониных, где ей передали с пометкой «для келейного чтения» с любовью переписанные вручную стихотворения своего отца. Среди прочих рукописей сохранилась в семье Другова и рукопись цикла «Три года на Дальнем Востоке».

Эти стихи Владимир Шамонин начинает писать, находясь в лагере. По частям пересылает в письмах домой, затем он объединил их в цикл. Прознательное по своей сущности произведение, которое позволяет современному читателю полностью погрузиться в суть происходивших в нашей стране в тридцатые годы прошлого века событий. Отец Владимир Шамонин без передёргивания и спекуляций передаёт всё, что ему и другим узникам Дальлага пришлось пережить.

«Три года на Дальнем Востоке» — уникальное документальное свидетельство времени. В полном объёме это произведение публикуется впервые. После кончины пропойера Валентина Другова хранитель поэтического наследия пропойера Владимира Шамонина Татьяна Лысковцева передала в дар копию рукописи поэмы «Три года на Дальнем Востоке» в электронном виде в фонды музея-заповедника «Пермь-36». Сейчас мы имеем честь представить это произведение широкому читателю, уже без пометки «для келейного чтения».

*Вячеслав Дегтярников,
специалист по связям с общественностью
музея-заповедника «Пермь-36»,
член правления регионального отделения
журналистов Союза журналистов России*

ВСТРЕЧА С НЕСВЯТЫМ СВЯТЫМ...

Случилась наша встреча с протоиереем Валентином Друговым в конце 90-х годов XX века, когда он переехал настоятелем Свято-Духова храма села Заспалово Кунгурского района Пермского края. Для нас это была встреча с несвятым святым...

Одним из предыдущих мест служения отца протоиерея был Коми-Пермяцкий округ, где, не зная коми-пермяцкого языка, принимая исповеди на коми-пермяцком, он научился слышать язык души человека.

Село Заспалово в 130 км от Перми. Но приехать в этот храм в годы служения протоиерея Валентина Другова для некоторых пермяков было естественнее, чем в какой-то из городских храмов. Периодически в дни больших церковных праздников храм был переполнен пермскими чадами батюшки. Батюшка жив в их памяти до сих пор.

Потрясали его исповеди, когда батюшка проговаривал за тебя то, что ты сам не в силах был заметить в себе и озвучить. Потрясают фотографии отца Валентина иконностью его лица.

Но ещё больше удивил нас этот истинный подвижник благочестия своими трудами по осмыслению наследия Русской Православной Церкви. А особенно – обнаруженным в этих трудах поэтическом наследии известного в православном мире священника Владимира Шамонина.

В начале 2022 года поэтические труды были переданы музеем имени В.Н. Поповой храма Великомученика Георгия в Перми дочерью покойного протоиерея Валентина Другова Ольгой Валентиновной Друговой, которая поведала о взаимоотношениях своей семьи с семьёй протоиерея Владимира Шамонина.

Ольга Валентиновна рассказала нам о том, что по возвращении с фронтов Великой Отечественной войны её папочка, будучи молодым солдатиком, дальнейшую службу с 1945 по 1950 годы проходил в городе Ленинграде, куда приехал из-под Пскова. По дороге он обратил внимание на храм Спаса Нерукотворного в Выборгском районе Ленинградской области, заметив, что храм не прекращает своего служения. Валентин Другов, будучи воцерковлённым человеком, потянулся к этому храму всем сердцем. Часть Валентина расквартировали в Царском Селе, и при первой возможности, в каждое увольнение он ездил на богослужение в прекрасную старинную церковь.

Молоденький солдатик-молитвенник не мог быть не замечен духовно опытным настоятелем храма, известным в ту пору многим верующим в СССР –

протоиереем Владимиром Шамониным, который стал приглашать молитвенника к себе домой, познакомил с женой, дочерьми. И эта дружба с годами крепла...

Вернувшись в родные кунгурские места, женившись и приняв священнический сан, священник Валентин Другов продолжал тесное общение со своим духовным отцом, часто приезжал в Ленинград, смог вызвать большую любовь к священнику Владимиру у всех членов своей семьи.

Родной брат протоиерея Владимира Шамонина жил в Финляндии, затем эмигрировал в США, что создавало большие сложности в отношениях семьи батюшки с властью. Было опасно в его семье хранить поэтическое наследие, свидетельствующее о самых мрачных периодах становления советской государственности. Зная особую любовь к поэтическому наследию семьи отца Валентина Другова, дочери протоиерея Владимира Зоя Владимировна (ум. в 1985 г.) и Вера Владимировна (ум. в 1991 г.), которые не были замужем, не имели детей, передали рукописи на хранение в семью Друговых, проживавших в глухих местах Урала.

Предыдущая попытка издания поэзии отца Владимира Шамонина была осуществлена его верным духовным чадом Лидией Петровной Нестерец в 90-е годы XX века. Называлась книга «Петербургский батюшка». К сожалению, издание не было подано должным образом, было неграмотно отредактировано, не имело комментариев к важнейшим событиям эпохи гонений, без которых нашему современнику сложно представить весь ужас пребывания в лагерях «лишенцев», названных тем временем «бывшими людьми», а на самом деле являвших примеры благородства, глубины знаний, железной воли, верности служения Богу, дара любви к любому человеку, вне зависимости от степени его «расчеловечивания», даже к своим гонителям.

Изначально автор, протоиерей Владимир Шамонин, поставил на рукописи пометку «Для келейного чтения». Нам дано право представить эти великие труды уже широкому кругу читателей, давая им счастье вдохновиться образцом силы, даруемой Господом, любящим Его.

*Татьяна Анатольевна Лысковцева,
хранитель поэтического наследия
протоиерея Владимира Шамонина*

ДАТЫ ЖИЗНИ ПАПЫ МОЕГО...

Родился 16-29 сентября 1882 года в городе Орле, где служил отец в то время, будучи военным.

Поступил в Духовную академию в 1904 году, с трудом порвав с военщиной.

Готовился к экзаменам самостоятельно, изредка обращаясь за помощью к архиерею (митрополиту Антонию Вадковскому). Выдержал их на «отлично» с похвалой.

Окончил Духовную академию в 1908 году.

Заветное желание было – монашество, но по настоятельному благословению старца Оппиной Пустыни женился на сосватанной дочери протодиакона Петербурга служившего в Храме Благовещения Божьей Матери и преподававшего «выправку и манеры» во время богослужения вновьпосвящаемым служителям Алпаря.

Окончил Духовную академию с отличием за кандидатскую работу «О спасении души».

По совету митрополита Антония согласился на место в деревне, как более полезное для него и пасомых.

В День Троицы митрополитом Антонием рукоположён во диакона, а на другой день в День Святого Духа в иерея в Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

В деревне служил, обучая людей, и преподавал Закон Божий в школе – 6 лет (1908–1914 гг.).

В 1914 году был вызван митрополитом Вениамином на городское место в Федоровское подворье «вторым» – как «белый» священник (не монах) – для крещения, венчания и преподавания (помимо службы), а также для ведения «бесед» на темы Священного писания с показом картин на экране и соборование по ближайшей больнице для причастия и соборования больных.

В 1921 году, уступая усиленной просьбе митрополита, перешёл в «домовый» Храм Николо-Александровский с чудотворной иконой Божьей Матери «Скоропослушница» – настоятелем (после устроения там приходского храма).

В 1931 году – закрытие храма и перевод (с иконой Божьей Матери) в Храм Бориса и Глеба на Неве, откуда в 1933 году арестован и направлен на Восток до 1936 года.

Далее – перерыв, война отечественная, скоро вызван патриархом Алексием назначен на служение Церкви. От назначенного места отказался (из скромно-

сти — как бы «по болезни») и работал сторожем на кладбище, а в 1945 году назначен в Шувалово в Спас-Парголовский Храм «вторым», где и служил до 1961 года, когда был уволен настоятелем (во время болезни инфаркт сердца).

Находясь дома, много занимался — читал, писал, служил и иногда по вызову митрополита, — с ним вместе.

Определённой болезни не было, но весь последний год жизни явно готовился к смерти.

В 1967 году последнее посещение Храма на Пасхе, после чего слёт в постель, говоря о своём «промежуточном состоянии» (между земной жизнью и Вечной). Но и в постели был деятелен, как мог. Накануне смерти попросил приготовить его к «Великой ночи» и был энергичен и радостен. Обратился с последней речью к дочерям, благословил заочно многих людей и попросил облачить его в пасхальное облачение (одеди попом епитрахиль, поручу и наперсный крест). Попросил пребник и указал, где читать — молитвы на исход души.

Папа крестился и повторял слова молитвы, смотрел на иконы, на нас, благословляя нас. Тут же благодарил нас и просил для нас Божией помощи. Говорил, что ему хорошо с нами было. Вспоминал родных, знакомых, малознакомых, братьев, соседей, всем желал милости Божией. То сам крестился, то нас благословлял, то благословлял впереди себя на три стороны с поклонами (с трудом медленно стибал шею). Быстро слабел. Едва слышным голосом стал шептать молитвы, пожелания. С трудом по стене поднимал дрожащую руку, благословляя, крестясь. А в левой твёрдо держал горящую свечу. Вдруг епитрахиль на нём остановилась — прекратилось дыхание. Глаза закрылись, а левая рука поспешно протянула — отдала свечу в руку Веруни. Думали, умер. Но через некоторое время епитрахиль опять ритмично задвигалась, дыхание возобновилось, левая рука потянулась за свечой, глаза открылись. Вдруг появилась нежная улыбка, лицо слегка потянулось вперёд, как бы навстречу к кому-то, правая рука шевельнулась, и он ласково и нежно сказал: «Мама!» Вскоре стал звать: «Зоя, Зоя! Где ты, Зоя, Зоенька!» Я отозвалась и спросила, может быть спеть молитвы — он улыбнулся. И я ему тихонько на ухо спела несколько молитв. Какие — не помню, но начала «Святыи Боже», а закончила «Христос Воскресе». Он слушал, улыбался и повторял шёпотом: «Сущим», и потом — только губами: «во гробех». Вдруг: «Вам обеим... вам обеим... обеим... вам обеим...», а дальше не понимаем, не слышим.

Думая, что это что-то очень важное, мы, приблизившись, попросили: «Папа, ты вдохни и скажи погромче, что именно нам обеим». Он, напрягшись, произнёс: «Вам обеим — спасибо!» И вдруг открыл глаза и взглянул куда-то вверх и вперёд, а руку поднял для благословения и тут же эта рука упала, а глаза закрылись.

левая же рука ещё крепче сжала свечу, как бы боясь упустить её. Светлые волны на лице, улыбка оспановились, последний выдох пробежал по епитрахили, а лицо просветлело, сделалось белым, сияющим. Тело немного осело в подушку. Нам показалось, что это не смерть, а что-то чудное, радостное. В открытую форточку слышался звон от ранней обедни. Мы, не двигаясь, смотрели на него.

На следующий день – Праздник Введения во Храм Приснодевы Марии – 3 декабря 1967 года.

Погребён 5/ХП на Шуваловском кладбище вблизи Храма, рядом с супругой.

Липургию и оппевание совершал викарий митрополита с 14-ю священниками. Службы были торжественными, оппевание – по радости, прямо пасхальным! Народа и духовенства провожало много.

*Зоя Владимировна Шамонина,
дочь протоиерея Владимира Шамонина*

ПЕРВЫЙ ГОД

радуются
письмо
живальце
Жукин
в газету.
ке
к

12.
13.
14.
15.
16.
17.
18.
19.
20.
21.

Жукин
Жукин
Жукин
Жукин
Жукин
Жукин
Жукин
Жукин
Жукин
Жукин

В стемна...
М...

ВЕЛИКИЙ ПУТЬ ПИСЬМО ЖЕНЕ С ДОРОГИ

*Где дышит Тихий океан,
Где всходит солнце – на востоке,
Едва развеялся туман,
Пишу Тебе привета строки.*

*Скажу ли Милой: Не зрости!
По слову Няни – «будь в спокойе»!
Что было – будет впереди...
И в настоящем есть бывшее?*

*Как Ты, я в детях не умру,
И нам, стареющим – утеха,
Как пенье птицек поутру,
Их болтовня и взрывы смеха...*

*Когда-б стихи мои, как тень,
Тебя ласкали в зное лета,
А в самый тёмный зыбный день
Алеми радостью рассвета!..*

*Увы, пишу в простых стихах –
Все струны старые на лире;
Лишь эхо дикое в горах
Им вторит в сказочной Сибири.*

*Я стал почти а-ля Мюль-Верн,
Шестую часть объехав Света!
По погерку Моргенстриерн
Мне предсказал поездку эту...*

*Начну с великою пути.
В вагоне на восьмое марта
Раздались крики: «Где-б найти
Географические карты?!»*

– Куда мы едем?.. На Москву?..
 С родными свидимся на Волге?..
 Я, как и все, ловил молву –
 Вокруг порхающие толки:

«Сейчас на Мурманск поворот!»
 – Да нет, в Москву! – Но поезд дальше
 Всё мчался, ускоряя ход...
 И все гаданья, стали фальшивью.

Навстречу солнцу – на восток
 Мы едем слишком две недели.
 То поезд шумно, как поток,
 Несётся в тёмные тоннели;

То, вырвавшись на яркий свет,
 Ползёт прелучею змеёю;
 А сзади вьётся дымный след...
 И дни уходят чередою.

Как чама, озеро Байкал;
 Оно не долито до края,
 Где красоту одной из скал
 Венчает сосенка пустая.

Красивый Галич промелькнул,
 Пестря старинною картиной,
 Где в озере для рыб разгул
 И тихий отдых в мягкой тине.

В Иркутске баня. В час ночной
 Надзор поручен двум собакам.
 Мы живо сняли чёрный слой
 И розовым покрылись лаком.

И снова в путь. Под лязг и вой
 Поём акафисты, молебны...
 И даже сумрачный конвой,
 сочувствуя, кивал хвалебно.

«Семьсотка» хлеба, киняток,
 Уха или ржабая баланда ...
 Селёдки, сахара кусок –
 Уже к восторгу арестанта!

Дозорный грузно, как медведь,
 Прошёл по крыше с колотушкой;
 Но нам из клетки не лететь...
 А «зверь» сбегал к лесной опушке.

Скакнул вдогонку пёс лихой,
 Взлетели звёздочки ракеты,
 Все «лыжи навострил» конвой;
 И выстрел прокатился где-то...

Мы здесь – на горе – не одни:
 Хоть с ног не стащат ночью бурки,
 Но бранью засоряют дни
 Товарищи по ссылке – «урки».

Всего у нас их только два,
 Но ранен староста вагона –
 Зарделась кровью голова...
 Как Чингис-Хан во время оно!

Конвойный выхватил наган:
 «У! Ложка дётя в бочке мёда!..»
 Затих мгновенно хулиган –
 Как будто, был опущен в воду...

И вновь мы едем день за днём,
 И без надежды на свиданья,
 Пускаем в окна голубком
 Вслед за посланием посланье:

Прохожий! Опустни письмо,
 Когда не встретится по меха!..
 И «правосудие» само
 Не разорвёт его со смехом!!

Стоим у города Читы
 В День Алексея – «с гор потоки»,
 А чайками летят мечты
 В окрестности Владивостока:

Не там ли мой рабочий стан?
 Но восстановится ли сила?...
 Там, глядя в Тихий океан
 Дивное родилось светило...

Порой мечты перелетят
Домой, к семье крылатым взмахом –
Я снова в Пушкине, и рад
Поэта видеть в бронзе Баха...

Вот котик Проникка в окне...
Ты Варя, входил на террасу
К своим цветам ... И при луне
Вернулась Верочка из класса...

Вот Зоя, как на парусах,
Летит домой в пальто красивом;
Взять ли будет влопыхах,
Чтоб распускать нетерпеливо?...

Всем сострадающим – поклон!
Но это горе – не из первых...
Пусть стихи навеют сон
И мягко успокоят нервы...

Родных, друзей, кто ценит нас
И кто расстроился пред новью –
Я вспоминаю каждый час
И с неизменной любовью.

Благословенье и привет –
Тебе, «соломенной вдовице»,
И нашим детям, чей расцвет
Поёт на сердце майской птицей.

Без свеч во тьме тонул вагон...
Табачный дым стеснял дыхание...
И медленно тоски огонь
Сжигал любимые мечтанья.

В два зарешеченных окна,
Как и в отверстие для стула,
Врывалась холода волна
Да властный окрик караула.

Страстные слезы наизусть
Справлял с друзьями каждый день я.
Великопостных чтений грусть
Проникла в наше настроенье.

Был очень ценен Константин –
 Его феноменальна память:
 Он наизусть из нас один
 Любую службу может править.

Он нам подсказывал сейчас,
 В процессе службы помогая:
 Чуть слышно он направит нас
 Коль в чём заминка есть какая!

И Пётр прекрасно дополнял
 Наш хор солидным мягким басом
 (Мне вспомнилось, как он читал
 Канон перед иконостасом!).

А Валентин – больной опять,
 И, задыхаясь временами,
 Не мог, ни петь, ни возмась дать –
 Молмлся молча между нами.

И вот – Христовы Тело, Кровь
 Я принял в обществе содратьев,
 Переживая вновь и вновь,
 Голофу, вольное распятые...

На Пасхе уже в Магдалич
 Имел частичную свободу:
 Для поезда варил харчи,
 Колол дрова, таскал и воду.

Несу к вагонам кипяток –
 «Отец Владимир?!!» – крикнул кто-то
 Он тоже едет на Восток!...
 И в юлосе – любовь, забота...

Опять холмы – к звену звено,
 Как сеть, лежат без перерыва...
 То поезд падает на дно,
 То в гору лезет беззливо;

То ищет выхода среди гор,
 Как в норы, прхчётся в тоннели.
 И утомляют тяжёлый взор
 Берёзки чахлые и ели.

ДАЛЬСТРОЙ. ПЕРПУНКТ

Перпункт идёт отвесно
Террасами скалы
К Японскому заливу.
Здесь тени нет древесной,
А машут белой гривой
Зелёные валы.

За проволокой колкой
Остались города,
Где все мы «жили-были»...
Иной завоеет волком:
«Мы в раннюю молчу
Зарыты навсегда!»...

Давно ли село море:
«Великий кончен путь –
Откройте дверь «теплушки!»
И длизь волны у взморья
Мы съпались, как стружки,
Чтобы волней вздохнуть!..

Но вот цыня, как урка,
Подкралась по следам:
Дав в зубы, дав подножку,
Валяет, будто чурку...
В больничное окошко
Ляжу по сторонам.

Проходят две недели.
Колени стекли,
А юлени все в ззвах
Врачи лежать велели...
Для этого ли разве
Меня этого сюда везли?

Завидуют «филоны»:
«Трудиться надо в жар,
А он залёи в больнице
Где легики лимона
Ему даёт «сестрица»
И ванну – санитар!..»

Но вот уж я – дневальный
И занят каждый час
У слугащих в палатке,
Что вид имеет спальни.
Я к полночи украдкой
Ко мне летит Пегас.

Тогда сижу в просторе,
Мечтами окружен,
Они, как тучки, томно
Плывут и сердцу вторят:
«И горе – не бездомно
И нет чужих сторон».

*А в ясную погоду –
Подблизь даль: тунну,
Через залив огнистый,
Иде поезд на свободу
Зовёт весёлым свистом,
Скользя по полотну.*

*Мои стихотворенья –
Как дикий виноград
Вблизи Владивостока –
Малы на удивленье;
И иде же светесть сока,
Иде светий аромат?*

*Но труд в разумной мере
Есть жизненный оплот,
Всунутный как дыханье:
В «рабочей атмосфере»
И вы, мои писанья
Взойдётся до высот...*

*Пусть же эти строки,
Как рельсы, принесут
В семьи родное лоно
Стихи Владивостока –
Во славу Аполлона
В неволе вольный труд!*

*Чу: Стонет, как гитара,
Поёт, аэроплан,
Рождая парашюты...
И ты, пийта, старый,
С низины взвейся круто –
И дай в стихах в роман!*

ВЛАДИВОСТОК

Где город восточный
Средь водных зеркал
Так живо и точно
Свой лик отражал –

По сопкам, как козы,
Белели дома
(Иль белые розы?)
А вечером тьма

Рождала, как звёзды,
Повсюду они,
И утром лишь поздно
Скрывались они.

В зелёном заливе
Горел небосклон.
И шёл торопливо
Трамвайный вагон.

И катер с баркасом
И катер один
Здоровались басом
На глади пугин.

А с пристани Мыса,
С веслом за кормой,
Друж чая и риса
Шёл водной тропой.

И сверх-пароходы –
Как будто киты –
Легали на водах
Среди тесноты;

Иль, пытаясь, упорно
Пытались свернуть
На лодок моторных
Стремительный путь.

На лодках отважных
Что вздёргнули нос,
Как статуя, каждый
Виделся матрос.

Как лодкой подводной,
Блестяя спиной,
Нептун своеобразный,
Вставал над волной.

Я полною, с перпункта
На Мыс отъезжал
Неровности грунта...
С дороги устал...

Сажусь на машинку
С заплечным мешком –
То бросит на спину,
То кинет ничком...!

Но я – на свободе,
Средь воздуха струй!
Я милой природе
Послал поцелуй.

И звёздным парадом
Ответила тьма;
А с гор водопадом
Стремимись дома.

Пошли магазины,
Сверкнул «астроном»;
Где ярко-картинный
Как «западный» дом.

Блестящий огнями
Пронёсся трамвай...
Как прост перед нами
Западный край!

Свернули на берег –
Простор-то каков:
С обеих Америк
Бег водных валов!

Здесь нет белокрылых
Прозрачных ношей.
Вода – как чернила,
И бездна оней.

Подросток военный
Приветствовал нас:
«За мной! Постепенно
Входите в баркас

Папаша, идите
Скорее присесть!
Газетку возьмите –
Там можно прочесть».

Но места уж нету,
Как нету и сил...
И кто-то газетку
Постыдно схватил.

Присел, как возможно
Подальше в углу;
Конечно, не в ложе –
На грязном полу.

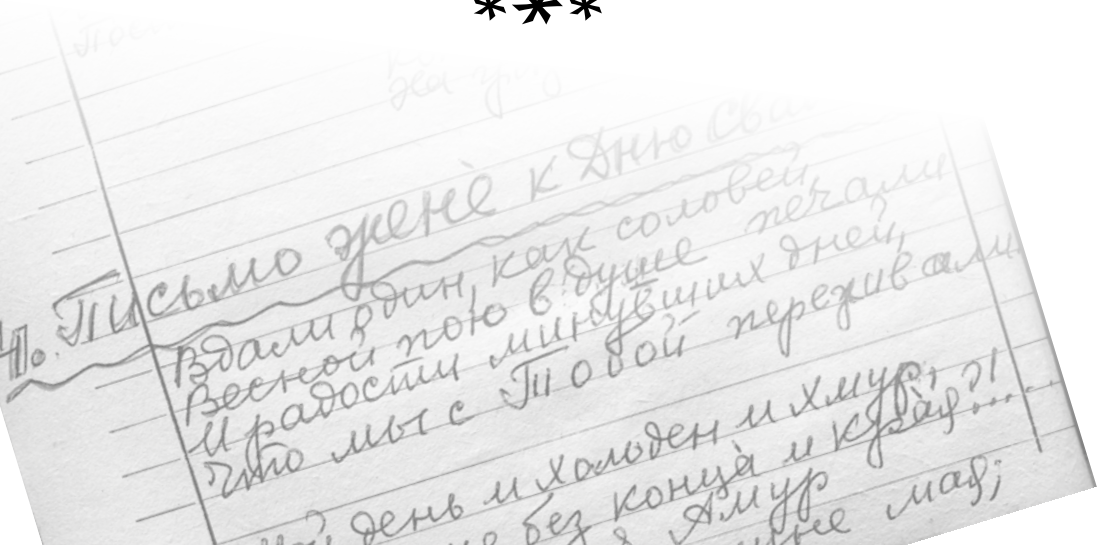
ПИСЬМО ЖЕНЕ КО ДНЮ СВАДЬБЫ

Вдали один, как соловей,
Весной пою в душе печали
И радости минувших дней,
Что мы с Тобой переживали.

Мой день и холоден и хмур,
Но он – не без конца и края!..
Река великая Амур
Открылась накануне мая;

Несутся в Тихий океан
Её блистающие струи –
И сердца нашего роман
Не в Вечности-ль идёт, ликуя?!..

Ты – словно белая сирень –
Я слышу чувств благоуханье...
Да здравствует же Свадьбы День
И день желанного свиданья!

«ЗАШИВАЛЬЩИК»

Командировка «Чуркин
(Вблизи перепункта) мыс»
Явилась, как приволье:
Там отделились урки –
И смолкло сквернословье,
Как писк противный крыс.

У Золотого Рога,
Где рожей стройных магт
Гордятся пароходы,
Я пострадал немного
Под стонья непогоды
И волн зелёных плач.

Скажу подробней. В мае
Грузился пароход
Большой «Вацлав Боровский»
Под крики «вира-майна»;
И строп на зов таковский,
Качаясь, делал взлёт.

Я – «зашивальщик» (звание) –
С тилою, как кинжал,
И с ниткою-верёвкой,
Исполненный вниманья
Мешки ворочал ловко –
Заплаты нашивал.

Крепя узлы, дубиной
Молодчик-богатырь
Ударил по канату;
А э, сшибая спину,
Придельывал зарплату
К опаснейшей из дыр...

И вдруг толстуха-тонна
Всей дюжиной мешков,
Вскочи, «сплясала польку»
Совсем бесцеремонно
Отняв мою иголку
Без «вира»-«майна» слов!..

Тревожный крик рабочих,
Пронзающая боль –
Всё пронеслось в мновенье
Как под покровом ночи,
Исчезло окруженье;
И жизнь «сошла на-ноль».

Но Бог не вынул душу!..
Лишь стало посласей
Прижатое колено...
С тех пор невольню тпрушу,
Увидев волны с пеной
Услышав лязг цепей...

ЧУРКИН МЫС

*Чуркин Мыс собрал громады,
Что в брезент облачены,
За колготку оградой,
Как чудовища, видны.*

*Эти горы-пирамиды
Разных ящиков, мешков,
Величавые по виду –
В день исчезли без следов.*

*Гордо мощные сирены
Повышают голоса.
Как домов столичных стены,
Пароходов корпуса!*

*Всюду зркие картины...
Труд горит, кипит вокруг...
Как по нити паутины
Ловко движется паук –*

*Мы, случайные матросы,
По отвесу ходим в трюм;
И, как змеи, вьются тросы
Под лебёдки белый шум.*

*Чу: взвилась, качаясь, тонна,
Оставляя свой «букет» –
Запах сочного лимона
И махорки и конфет...*

*Тише... Пыль летит мучная,
Мыло выпало куском...
Океан в начале мая
Распроцаеться со льдом.*

*День и ночь пошли работы –
Чтоб порою невзначай
Вновь снабдить рабочих роты
И послать в Колымский Край.*

В СТЕНГАЗЕТУ «ШТУРМ СЕВЕРА»

Товарищ новый! Добрый день!
 Да будет легке труд упорный:
 Пусть облака роняют тень
 И освежает ветер горный!

Как изумруд, блестит залив;
 Уж стройных мачт алеют выси...
 Наш труд и ловок и красив
 На Чуркином рабочем Мысе!

Вставай, товарищ, не грусти!
 Придешь домой счастливый вдвое:
 Ведь ты на трудовой пути
 Получишь звание «героя»!

На север вскоре пойдут
 Под красным флагом пароходы –
 И запоют, сверкая воды:
 «Прощай, безделье! Здравствуй, труд!»

Товарищ новый! Добрый день!
 Да будет легке труд упорный:
 Пусть облака роняют тень
 И освежает ветер горный!

Как изумруд, блестит залив;
 Уж стройных мачт алеют выси...
 Наш труд и ловок и красив
 На Чуркином рабочем Мысе!

Вставай, товарищ, не грусти!
 Придешь домой счастливый вдвое:
 Ведь ты на трудовой пути
 Получишь звание «героя»!

На север вскоре пойдут
 Под красным флагом пароходы –
 И запоют, сверкая воды:
 «Прощай, безделье! Здравствуй, труд!»

МАРКЕР

Бываю и выси.
 Представьте эффект –
 На Чуркинском Мысе
 Разборка конфет!

А сахар торгаций
 Из ветхих мешков –
 Виновный всё чаще
 В круженье юлов...

Но – прочь от соблазна:
 Я «маркером» стал,
 И разнообразно
 Я «маркировала»

Я – маркер, маляр я,
 И сочная кисть –
 Цветиста и ярка,
 Как новая «кисть».

Хромаю, а быстро –
 В рабочий присест –
 Мажутся цифры:
 И «марки» и «мест».

На крохотный катер
 Люблюсь давно;
 А надо бы в кратер
 Спуститься на дно,

Иде вглубь парохода –
 Отвесно, подряд –
 Под тумкие своды
 Ступеньки летят!..

И «на-четвереньках»
 В одном сапоге,
 Схожу по ступенькам;
 И краска в руке...

Чу: трезвятся шпалы,
 И рельсы удят –
 Не рушатся-ль скалы,
 Не взрываются гранат?!
 Похоже, что лаву
 Извергнув вулкан –
 Рабочую славу
 Поёт океан.

И смерти грозящей
 Растаяла тень,
 Где ярко-блестящий
 Расцвёл «трудодень».

РАЗГРУЗКА И ПИЛКА

*Разгрузка вагона
«Ой, лесенки нет!»
– Да есть ли препона,
Крылатый поэт?!*

*В ногах от натури
Колочая боль –
Но сылется уголь,
Блестящий, как смоль,*

*И рельсы в-полтона,
Как струны, звенят –
С весёлыми трезвоном
Ложатся подряд...*

*И здесь, у залива,
Картинный простор!
Вон, поезд красиво
Змеится у юр;*

*А там, у купальни,
Иде лодочек ряд,
Сверкнул он, зеркальный,
И рельсы судят.*

*Вот брызнули искры
Над сталью воды –
Не взвился-ль он, быстрый
Скажун, на дыбы?*

*И чёрная грива
Клубится над ним.
В момент горделивый
Пронёсся, как дым...*

*Мы пилим, и запах
Древесный – как мёд
Алеет и запад:
Так зрок восход!*

Рабочие нѣзда
 Двмятсь кругом –
 Не с нема ли звѣзды
 Под водным стеклом?

На сваях ракушек
 Коричневый мох;
 За сопками пушек
 Рыкающий вздох.

Опилек пригорки
 И чурок гора...
 Вновь запах махорки
 И дыма шра.

Кѣо курит – кисеты
 Повынул ...«Анґхи!!»
 Чѣо-ж делать поэту?
 – Да тишни стихи!

Чечен из аула,
 Хохол и мулла
 Годали: «Акула,
 Ила, камдала –

Чѣо будет к обеду?»
 А время текло...
 – Придавки бы хлебу,
 Чѣоб вышло кило?!

«Наушники-б, гетры
 Для этой поры:
 Ведь на море ветры
 Как бритва, остры!»

И гонят, как плетью,
 На зреющий труд.
 – А с ними пол-столетья
 И больше тивут! –

Ила застонала...
 А пела струной!
 «Эх, пороху мало!» –
 Сказал часовой.

И солнце «на вышке»:
 Знать, время еды.
 «Часок передышки –
 Постройтесь в ряды!»

В СОВХОЗ

Врачи заели хором
«В совхоз – титанья нет
Вторая категория!»

И я без разговоров
Уехал из Приморья
Иде ел я «спецобед».

Холмов волнистый профиль –
Как будто, океан
С зелёными волнами.

Окуживай картофель
И вырывай с корнями,
Непрощенный дурьян!

Неслись благоуханья,
Как будто, из теплиц.
Лягушки тишь «пиллим»

За полотняной баней ...
Мой стих о новой дыли –
Не вторь им со страниц!

Не комнатною-ль птицей
В палатке ветер пел?
И тучки набегали

Бросая тень на лица:
И молодой с печали,
Казалось, постарел...

Но в сердце масло юре –
Как будто, счастья сон
Сотёл на все волнения:

Полей цвели просторы,
И был на удивленье,
Как море, небосклон.

СОВХОЗ «ГАЛЁНКИ»

*«На прополку – дело бабье!» –
В рельс колотит молоток.
Но в палатке слышу храп я –
И, как мёртвый, спит Восток.*

*Выйти солнце не успело,
и не гаснут фонари,
И, соскучась, месяц белый
Идёт приветливой зарю.*

*Кашу вылижем, как дети
По пятачке встанем в ряд –
И с конвоём в первом свете
Трудовой начнём парад.*

*После дождика – болото:
Колесо ушло по ось;
Как у пьяного, забота –
Ноги едут вкривь и вкось.*

*Грустно в поле бросить взляды:
Как безбрежный океан,
Затопляет, всюду грязь,
Торжествующий бурьян!*

*Но, равны в упорстве мухам,
Мы идём со всех сторон
На сорняк единым духом,
Рассылая тяпок звон.*

*Как у Лермонтова «Мцыри»,
Ловит молнии сосед.
А на мне – как будто шри,
И сторбатился, как дед.*

*А «полвека» ведь – не много?...
Но беззубая цанга
Каменист большую ногу
Как волшебниц Яга.*

У соседа пальцы-змейки
Заструились по гряде;
Я же, право, на скамейке
Посидел бы кое-где!

Ветер юный тучек стаю...
Я отстал. За мною тишь.
Ястребы кругом летают
И высматривают мышь.

Птицы – белые, а крылья –
С темноватой каймой...
Как они, свободно-б взмыл я
Над раздельною тайгой!..

И где прямо пахнет хвоей,
Земляничкой и грибом,
Я-б для отдыха построил
Хоть «на курьих ножках» – дом...

«Эй, ударник! Хорошенько!» –
Подняет бригадир.
И, склонясь на четвереньки,
Задыхает целый мир..!

БАЗА СЕННАЯ

«На базу сенную
Работать с утра!»
Я в сердце, ликуя,
Воскликнул «ура»:

По морю проюлка,
И день – золотой!..
Разносится шуко,
Свисток над водой.

От нашего груза
Осел катерок.
«Смотрите: медуза –
Как алый цветок!»

– Точнее – как студень? –
«Верней – как желе?»
Мы пить не забудем
О вкусном столе,

Как Чехов в «Сирене»,
Когда, аппетит
На пахнувшем сене
Нутро защемит!

Дрожала машина,
Как пламенный конь;
Сменялись картины.
И солнца огонь

Блестал в океане,
Как счастья блик...
Я вспомнил в романе
У Купера бри

И жизни пустынной
Моугий размах...
Но встала машина,
Стреляя – «бах, бах»!

Мы – в базе у парка,
Вкрут базы – плетень.
Небугий и яркий
Рабочий наш день.

С вагона вначале
В четыре руки,
Как камни бросали
Сенные тюки.

Поставили гору
Из многих тюков.
И ждали: «Уже скоро
Нам завтрак готов!»

Тюки в пирамиду
Сложили, нет-нет
Мечтая с обидой:
«Уж скоро обед!»

Исколоты сеном,
Ругать мы могли
Весь мир за измену,
Но... хлеб принесли;

Он был ароматный
И вкусный такой,
Поистине «блатный» –
Совсем не простой.

Работой натружен,
Не чувствую ног...
Но – сладостней ужин,
И сон без тревог.

Трудились мы жарко,
А отдых – не лень...
Так в жизни, как в парке,
Всегда «светотень».

ГРОЗА

Под вечер дождь закапал —
И дивная гроза,
Взвивая туч завесу,

Такой даёт спектакль
По мощности и блеску
Что замурились глаза!

А наши театралы,
Пред тенем склоняясь,
Закрывли дверь «театра»:

Таланты слишком малы,
И помираем завтра,
Когда просохнет грязь.

Я тоже «на гастрольях» —
Участник драмкружков,
Как «бывший литератор»;

Мои обычно роли —
И чтец и декламатор
Из прозы и стихов.

Здесь дождь — уже событие;
И дома без сапог
Нельзя в таких «квартирах»

А греться — чаепитьем.
Палатка наша в дырах
Как сито, потолок.

На выси километра
Стоял я на скале,
А, волны, как бараны

Под острой плетью ветра,
Носились в океане,
Сшибаясь в синей мгле.

Ударил вихрь и, в ярость
Придя, палатку нул;
Полотнища стреляли.

И вдруг, брезент, как парус
Средь молний взвился алых.
И взвыл громовый шум.

«Медведица большая»
За лунным за серпом
Влезала выше, выше,

А он, блестя, сверкая,
Уже с небесной крыши
Повиснул вниз лицом.

Поутру солнце поздно
Смотрело с высоты
На скомканные рядки,

Иде после бури грозной
Дышали негой сладкой,
Пристав с земли, цветы.

ДОЧЕРИ ВЕРЕ

*Здравствуй, Верочка! С Рождением!
Ведь семнадцать лет –
Это счастье дунovenье,
Это майский цвет.*

*Вот сейчас, как на экране,
Встал передо мной
Ясно – как бы в крупном плане –
Детский облик Твой.*

*Вспомнил – мы из Киновии
Им водой назад:
Ветер волны гнал седые,
Брызги куда-то град.*

*Пассажиров в лодке мною,
Семь – кто куда.
Мама думала в тревоге:
«Все ли грозит беда»...*

*Разыгралась непогода –
Настоящий шквал...
И встает от парохода
Впрямь «девятый вал».*

*Нас бросала в лодке зыбкой
Сильная волна.
Ты смотрела вниз – «чтоб рыбки
Поднялись со дна»*

*Твой сосед тебя немножко
Притянул рукой:
«Сядь ко мне. Не бойся, крошка!
Видишь, шквал какой?»*

Ты, чужой стесняясь ласки,
 Чуждой ресниц
 Голубые скрывает глазки —
 Опустила ниц:

«Нет, спасибо... Лучше с Мамой!»...
 В тот суровый век.
 Не сражон, «народной драмой»
 Этот человек:

Понял наме положенье,
 Отношенья те...
 Несмотря на «окруженье»,
 Был на высоте.

«Лучше с Мамой!» — Да, конечно,
 Ближе друга нет...
 Милю Теде привет сердечный,
 Дальний мой привет!

***

Раздумалась непогода —
 Наступил шквал...
 И встал от парохода
 Вперед, видный вал:
 Как бросила в лодке зобкой
 Сильней война.
 Этот смотрит вни:
 Поднялся со дна «Глоб фобки»
 Твой сосед Тебе нежно
 Грядущий рукой:
 «Сядь ко мне. Не бойся, крошка!»
 «Видишь, шивал какой?»
 Ты, чужой стесняясь ласки,
 Чуждой ресниц
 Голубые скрывает глазки —
 Опустила ниц:
 «Нет, спасибо... Лучше с Мамой!»...
 В тот суровый век.
 Не сражон, «народной драмой»
 Этот человек:

СЛЕПОЙ ПЕВЕЦ

На Чуркином Мысе
 Пел юный слепец –
 И с чувством и с мыслью –
 Прекрасный певец!

Туда ли, обратно
 Прохотий спешит,
 А тенор приятный –
 Влекущий ланиит.

И песни, как чайки,
 Кружатся везде...
 Судачат «всезнайки»
 О лёгком труде:

«Сбирает он податъ,
 Как плату за труд!
 Ведь петь – не работать,
 А деньги текут!»

Как статуя горя
 Красавец слепой!
 Поёт он у моря,
 «Смотря» над толпой.

Из лодки-корыта,
 В ведущем веслом,
 Кореец обривый
 Следит за певцом –

И доброе сердце,
 Как чуткий орган,
 Для песни отверсто...
 Поёт океан!

Мивое – не скушно:
 Есть тени и свет.
 И чуток вседушно
 Художник-поэт.

«ЛУЧШИЕ» МЕСТА

Где нет нас – лучше всюду!
 – На Океанской – Рай:
 Душистые аллеи,

Цветов и фруктов груды;
 А море, голубая,
 Родной напомним край –

В Надеждинской – овраги,
 Кустарник и лесок,
 Где множества орехов.

И повторяет лагерь.
 Похвально, будто эхо:
 «Меланный уголок!»

– А наши-то Лалёнки:
 С селёдки, как ведро,
 Наполнишься водою,

Пожалуй с мяушонком?! – ...
 Но с клеветой такую
 Затупится перо...

Когда же после грома
 Ещё дымился грунт –
 Подъехала телега,

Я рядом сел с леклоном,
 И к позднему ночлегу.
 Приехал на перепункт.

А там, в Лалёнках белкой
 Взобрался флаг на шест;
 Но виснет красной тряпкой –

Показывает стрелкой:
 «Все разбирайте таяки,
 Кто тамдет лучших мест!».

Речь «жаждущих» знакома;
 Все рассуждают так,
 Рабочие герои:

«Чтоб стать поближе к дому
 Нам нужно из дальстроя
 Перевестись в дальлат».

ЗАЯВЛЕНИЕ

*Перпункт гостеприимный,
Прошу не в первый раз:
Направь меня к дальнему!*

*Примчался поезд длинный
И мне привёз бумагу
От Зюньки сейчас.*

*Читаю: «Заявление.
Я, дочь, беру отца –
Больного инвалида –*

*К себе на удивенье»
И я смеюсь для вида,
Смахнув слезу с лица...*

*Пишу ответ в волненьи
От самых добрых чувств:
– Читаю «Заявление» –
И плачу и смеюсь.*

*Приятно в сердце ранен –
И оживаю вновь!
Сердечно благодарен
За смелость, за любовь!*

*Сама стоишь, нетвёрдо –
Ещё полудитя,
А поступила гордо
И твёрдо – не шутя!..*

*Но если «Заявление»
И потеряет вес,
То ценности без сомненья
Достанет до небес!*

СВЕТИЛА

Поэзии светила
Иль «инженеры дум»
Как выразился Сталин:

Писатели – вот сила!
И меньший не умалён,
Коль съезд греми, как шум...

Союз представил столько
И прозы и стихов,
Что – гордый и весёлый –

От счастья плакал Горький
А наши «детскосель» –
Толстой и с ним Мишков?!

Поэтам – честь и слава,
Прозаикам – привет!
Толстому Алексею,

Мишкову Вячеславу,
Чуковскому Корнею –
Пусть творческий побед!

Не автор «Конной» Бабель,
Не Новиков – Прибой
Иль Николай Никитин –

Пою луну-корабль,
Луну-Коня, событий
Подхваченный волной.

Темнее, тише... Поздно...
И ветер облака
Из-за горы слезливой

Послал навстречу звёздам...
Заварен чай, как пиво;
Я отдохну слегка.

Трепещит в палатке печка;
В железную трубу
Несутся к небу искры –

На путь ложатся Млечный...
Рабочий взрыв, как выстрел,
Со стройки грянул: «Бу!!!»

Звёзд поплыла эскадра,
А месяц – рыжий конь –
Взвился над горной кручей;

И будто рвётся здра –
Сверкает звёзд падугих
Рассыпчатый огонь.

Запахло горной розой,
И по небу пошла
«Медведица большая» –

То мчались бомбовозы,
Фонариком блистая
С мошкетю крыла.

Играют на баяне –
И дуря смеха, слёз.
В искусстве виртуоза.

О, волны океана!
И после зноя – грозы,
И песни после гроз!

«На горы стали воды» –
 Пльвют обрывки туг,
 Цепляясь за растенья...

Тюрьмы теснее своды
 На годы заточенье,
 И в море брошен ключ...

Но радостию брачной
 Затётся недосвод,
 И веет негой сладкой:

За тучкою прозрачной,
 Луна глядит украдкой –
 Проходит первый год!

А с высоты холодной
 Полярная звезда,
 Глядя на деи созвездий,

Мне говорит: «Бесплодно
 В мечте домой не ездн
 И не страшись труда!»

Ровнее, хладнокровней
 Теките, строфы, везд
 По строчкам – светлым рельсам –

Туда, к родимой кровле,
 Где милое семейство
 На вас направит взгляд!..

В СТЕНГАЗЕТЕ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

Тихо в Тихом океане
Светит красная звезда,
И растёт, как яркий месяц,
Тени мирного труда.

Прямо к северу-востоку –
Что ни год, то крупный шаг:
Народился город новый,
Над пустыней вспыхнет флаг.

Корабли – «Вацлав Воровский»,
«Белый лебедь», «Уэлен»,
«Майнос» – плывут, летают
Под напев морских сирен.

Отливая изумрудом,
Пенный след кипит ключом;
Зеркалами блещут дали
Мёртвой зыби нет кругом.

Тонут мажоры в небе чистом,
Раздаётся чайк писк,
И строителей – героев
Благодарен смелый риск.

На Охотском море – волны
На тайгой шумит буран,
Хмурит брови снеговые
Ледовитый океан.

Лето тёплое – коротко:
Лишь успел растаять лёд;
Но зато вдвойне зачтётся
Им второйне рабочий год.

Все вернутся раньше срока,
Пафос, стройки полюбив
И неся его с собою
Для родных лесов и нив.

Прямо солнцем от востока
Путь проляжет золотой,
Чтобы ссыльный без печали
Возвратился в край родной.

Тихо в Тихом океане
Светит красная звезда,
И растёт, как яркий месяц,
Тени мирного труда.

МЕЛОЧИ

За полночь «дуно́т» в фишки
(Иль просто в домино) –
Любимая затея;

Не спи́ят мои мальчишки.
А мне б – скорей к Морфею,
Да в Лету – бух на дно!

Проснусь – поправлю тонку,
Взгляну, гуря́т ли чай,
Достаточно ли хлеба.

И в двери – Динка пробкой:
– Пойдём, посмотрим небо
И лягем вновь «дай-дай!» –

Идём. Кругом спокойно.
Лишь Динка – фырк да прыг –
Несётся тёмным комом.

На башенке – конвойный
Чернеет в профиль номом,
Средри́т луною штык.

В больнице, как в вагоне,
Полураздетый люд
В сидячем положении;

Похоже на «агионию» –
Не сон, одно томление:
Так клоп звящущий лют!

Заткну́ть получше щели,
И двери на запор –
Да яд направить газом!

Тогда, через неделю,
Открыв все двери разом,
Сметать клопов, как сор.

В моей палатке тоже
Их можно увидеть;
Но как напьёмся чая,

Работу подытожим –
Клопов не замеча́я,
Уснём себе «на-я́ть»:

Сюда за две недели
По «Млечному пути́»
«Известия» и «Правда»

Из центра прилетели.
Газет, как чай, жажду.
Но бьёт подъём: идти!

Скорей бегу вприскачку,
Хоть ношу разнесло –
Уже кричат: «Холодной!!!»

И я на водокатке,
Иде влаш благородной
Хрустальное стекло.

Несёмь, а ног-дрёвна
Волочишь за содой;
И вдруг – завяз, как в тине,

Идя дорогой ровной –
Как дудто в паутине,
Как связанный какой.

Не самовар – из кухни
В двух ведрах кипятка
Принёс; и чай забарен.

Вздыхай и пей... и пухни...
Да развались, как барин –
Чтоб слухи сблизись с ног.

«Дневальный! Свежей соли!»
 – «Сотри-ка со стола!» –
 «Мапама! Кипяточку!..»

И шум и гам, как в школе...
 Но время ставит точку:
 В конторы, на дела!

Закончат чаепитье –
 И перья заскрипят...
 А я начну с уборки.

Посуду стану мыть я –
 И мыши, бросив норки,
 Ко мне – направят взгляд!

Приняв меня за друга,
 Придвизятся ко мне,
 Неслышно, будто в «тапках»

И смотрят без испуга.
 Присев на задних лапках –
 По-дружески вполне.

При помощи метёлки,
 «Подпольникам» – не в страх,
 Все корочки и крошки

Я под-пол сброшу в щёлки,
 Пока не видно кошки,
 Ходящей, как в туфлях.

С тарелок что собралось –
 И Динке надо дать,
 Подбросив ей в корытце

Мясных остатков малость,
 Костей – чтоб в них порваться,
 Погрызть и пососать.

И Динка, покруглившись –
 Как белка в колесе –
 Ложится на подстилку:

А я, вооружившись
 Помытой наспех вилкой,
 Подем остатки все.

У Динки кривы ножки;
 Приземиста, длина,
 Она – как чёрный гробик.

К ней ходит, ссорясь с кошкой,
 Высокий тонкий Бодик
 Остатки съест до дна.

Он морщится спесиво –
 Такой надменный взгляд;
 С костистой голёвёнки

Свисают – прямо диво –
 Два уха от слонёнка;
 Как белый шёлк, наряд.

Капризы ли у «дамы»
 Или вспыхнет аппетит –
 И Динка в ярой злости,

Не думая о сраме,
 Вдурит броситься на «гостя» –
 И дитва закипит.

Спешу (не без заминки!)
 Их разнимать в бою,
 Хотя это и опасно:

Ведь плохо будет Динке –
 Дерётся Бодик страшно,
 Мне Динку жаль свою.

Нельзя заснуть мне крепко
 Под зыбким полотном:
 Не слышит пустолайка,

Что бродит урка в кенже –
 Охотится за «пайкой»
 (Инушается трудою).

Вот солнце ярким шаром
Взлетело. В тишине
О рельс колосятся шуко...

И я – как на пожаре!
За пирожками, булкой
Спешу, забыв о сне,

К окошку «спецобеды»...
Идёт пчелиный рой
За сладкой каплей мёда:

В труде твоя победа
И в нём твоя свобода,
Старик и молодой!

Вперёд – канцеляристы
И каждый нужный спец –
«Колёсики машины»;

А ты, «Художник чистый»;
На стройке – в низшем чине
И становишься в конце!

От полудня посуда
До полночи гремит.
Едят канцеляристы

Обычно по три блюда,
А съят всегда со свистом,
Как «мёртвый час» летит.

Иной закончив супом
И хлеб кроша везде,
Уходит торопливо.

Один придёт ли, группа –
Но чай, уютой, как пиво
Сопутствует еде.

А в ужин будет каша,
Компот или пирог...
И всё одна картинка:

Поменьше мне – «папаше»
Остатков; больше – Динке
Таков дневной итог.

Кой-кто хранит остатки
На утро: съест потом.
Окончится работа –

И, как орехи сладки,
Все косточки компота
Расколот молотком.

ТАЛЬМАН

Как будто верблюды
Взрывают пески –
Сгорбавившись, люди
Пронесут мешки:

Мучной белоснежный
И серый, с овсом –
Как камень прибрежный,
Залажен кругом;

Но свистит дыханье,
Срывается брань...
Я – тальман (название
Собирающих дань):

«Дай бирку-дощечку!»
И сей документ,
Как рыбу из речки,
Подхватишь в момент:

Нырнёт в толенище,
Забьётся в рукав –
Он бирку не свистит,
Я буду неправ!

Вернёшь ли за нею
С тяжёлым мешком?!
А как пожалую,
Покаюсь потом:

Ведь стал на канате
Большой пароход;
В нём «тальман в квадрате» –
Повторный подсчёт.

«Кто-ж спутал?! Канальство!!!
Выруживай трюм!»
Напрянет начальство,
Поднимется шум.

Тут взмолишься: «Боже!»
И полный тревоги,
«Полезешь из кожи» –
Придавится «срок»!

ЭТАП

На глубине прибрежной
Громадный пароход
Перою ждёт этана.

Как чайки, белоснежны,
Мелькают «эскулапы»,
Где лагерный народ.

В дверях амбулатории.
Все тащут «лучших мест» –
Учёный и неведма

Идут первых категорий;
Стоят в полуодежде
С утра до поздних звёзд.

И ссыльный-многолетка
И высший персонал
Мечтают о камыле.

Давно сказали метко
Что «все дороги – к Рилму»,
И здесь – попутный вал.

Что камень драгоценный,
Кольчужный зркий труд
Наполнит блеском взоры:

Для всех большая сцена –
Цветущие просторы
И окрылённый люд.

А пароход – надиво:
Поднялся белый трюм
Таинственным виденьем

Над зеркалом залива.
А с берега – движенье
И по команде шум...

Баркас отходит вправо.
Раздался громкий свист –
И пароход в мгновенье

Умчался величаво...
Нет шума и волненья,
Залив хрустальный чист...

Свободнее в палатке,
И нет очередей
У кухни и больницы.

Исчезли неполадки.
Глядишь вокруг на лица –
И многих нет друзей...

Как будто, день – осенний:
Обнажены поля,
Поляны, пусты гряды;

Но сердце – вдохновенней:
И человеку радо
И сладостней семья.

В тиши Владивостока
Мой слух прильнул к земле:
Не сказочного клада

Я слышу звон далёкий –
Этап из Ленинграда
Несётся в лунной мле.

КУПЕЦ САДКО

*Знаменит купец быллинный –
Удалой цуляр Садко;
Он играл и пел чудесно;
Так пленительно – легко,*

*Что владыка океана,
Как дитя, пустился в пляс –
И со всем подводным царством
Веселился целый час.*

*А по морю встали волны –
Будто горы в пляс пошли –
И, танцуя танец смерти,
Погибли корабли.*

*Вот и новость под луною:
И купец, и царь-танцор
В трудовом поту смывают,
Свой прославленный позор –*

*Оба едут в Край Колымский
Пароходом «Узлен»,
Слыша грох рукоплесканий
И безумный визг сирен...*

*А из моря-океана
Поднят ссыльными дворец;
Вместе с цулями в музее
Он – искусства образец.*

*Посмотрите: смолкла буря,
Тихо дремлет океан;
И – не правда-ль: проза жизни –
Фантастический роман?*

НОВЫЙ ГОД

*Бьёт двенадцать – в ночь мечтаний
Народился год!
Я на Запад улетаю;
Солнце – мой пилот.*

*Говорили: тёмный Запад –
Область суеты;
На Востоке светозарном
Родина мечты.*

*Но моя мечта с Востока
К Западу летит;
Лишь о Западе любимом
Сердце говорит!*

*И на Западе с волнением
Ждут мои друзья
С каждым солнечным восходом –
Не приеду-ль я?*

*Там – семейные мошлы,
Детства колыбель;
Там и муза, розовая,
Мне дала свирель.*

*Там теперь новорождённый
Тридцать пятый год
«Он придёт! Он придёт!!!» –
Соловей поёт...*

*Вот и дома! «С новым годом!»
Помечтать слегка,
И... до скорого свиданья?!
Правда-ль?.. Ну, «пока!»*

ВТОРОЙ ГОД

...как
и-шало
перну
и а-учи
львий
кресн

13. За
14. Дом
15. По
16. Тисвил
17. Кови
18. Водон
19. Алек
20. Догерн Зоел-швапка
21. В Хо Зое-шучи

ВЕТЕР – «УРКА»

Эй, здорово, недалёкий!
 Хочешь, нет – фуражку скинь!
 Отодвину шире локоть –
 Да в окошко: дзень, дзень, дзень!

Как сосульки ледяные,
 Пальцы всуну за камне –
 Будто капли дождевые,
 Дрожь рассыплю по спине.

Наскочу, и – в бок: в канаву
 Махом скину, будто бык,
 Не презяствуй, дескать, нраву
 К своеволию привык!

Я «барашков» в океане
 Полюню – во весь опор,
 Чтобы спрятались в тумане
 Снеговые цепи гор

На работе, безобразник,
 Подниму я плеч такой,
 Что уйдут все, будто праздник,
 На труды махнув рукой.

Только-б солнце увидало,
 Лишь бы звезды и луна
 Любовались, как удаля,
 Как душа моя сильна!

ДАЛЬЛАГ

И вот на стыке.
В минувшем – дальстрой,
Сейчас – как ни дико
Я в роте штрафной:

Рабочие роты
Полны через край!
Теперь – и работой
И скарб охраняй.

Коль сон, словно в «мурках»,
Завяжет глаза –
Подкрадутся урки,
И прынет проза!

Общиплют, «как линку»,
И лучше молчать –
Иль с руганью линкой
Молчанья печать

Наложат преступно.
И сердце щемит:
Увы, не Поддубный,
Увы, инвалид!

Отнимут посылку
Под ругань и свист,
А водки бутылку
Продаст моторист.

И крики, и визги,
И хохот «блатной»,
Кровавые брызги
Расправы крутой.

Девчонки под локоть
Подлезут порой –
Ну иде тут работать?
Любовь да разбой!

И стража в избытке
И нет без замка
Тяжёлой камишки –
Препрада крепка;

Но брань засмердела –
И даже конвой
Не знает, что делать
С «отпетый шпаной».

С начальством на битву
Готовы всегда:
«Туни свою бритву –
Бери города!»

Лентяю на сутки
«Трёхсотка» и суп,
Протормившей утки,
Он вовсе не глуп:

«Раскинул картинки –
И выкуплен пай
Иначе – на вышке
Лежи, припухай!»

Займёт без отдачи,
Возьмёт, как бандит,
«А ты поймаешь,
Буржуй-паразит!»

Подсядет устало:
 «Как дело, браток?»
 И смотрит шакалом
 В чужой котелок

Пристанет, прилипнет –
 Спасения нет!
 «Товарищей» кликнет,
 Покажет кастет.

Несчастные жертвы,
 Что каша во рту –
 Ни живы, ни мертвы:
 «...Берите еду...»

Бывают и трюки:
 На «трицах людви»
 Красуются брюки,
 А шкеты вдали –

В платках и юбочках...
 А к ноги конвой –
 Парней м, девчонок –
 Пожал «на покой».

Но время, как птица,
 Несётся вперёд.
 Я должен смириться:
 И это пройдёт!

Сегодня я иде-то
 Свой крест потерял...
 Обидно мне это!
 Напрасно искал...

УРКИ-МАЛОЛЕТКИ

Беда – малолетки:

«А палки не хомь
(Тяжёлый и меткой!)?..»
Для паники – нож.

«У, шиды! У, бары!» –
Впадаю в азарт,
Ешкетской карой
Летит «авангард».

А, в помощь, на случай,
«Большие» порой
Надвинутся тучей,
Нахлынут волной.

Для урок удача –
В природе вещей:
«Я – конь, а не кляча,
И ветра вольней».

Иду я с обедом
Мальчишка – «скачок»,
Подпрыгнувши следом,
Схватил пирожок

И просит «кусочек»,
Товарищ другой
(Придавно вне строгек
С седой бородой!).

Смотрите картину:
Уромный мужик
Свалился на спину
С молчаньем, как бык.

И, будто волгата,
Завыл «молодняк»
«За пайку проклятый!!!»
И так и так.

Зубастая свора
Колотит сплеча
«Обжору» и «вора»
Что хнычет, рыга.

И корчится гадом
У ног палатей...
И свплотятся градом
Куски кирпичей...

Приходит дежурный:
«Он хлеб воровал?
Довольно... Недурно!..»
И снова пропал.

НА ПЕРПУНКТЕ

Здесь пункт пересыльный
Венгал Цукерман
И урки всеильно
Развили «талант».

«Лялавые черти –
Попы, кулаки!
Подбили-б до смерти
Вас урки-скачки!?!..»

Поток нецензурных
Ругательных слов –
Как масса их урны
Окурков, плевков!..

Вдруп урка-калека –
Несчастная бль –
О лоб человека
Ломаёт костыль!..

Средь воя и крика
Какой-то сбежит –
И вот у конвоя,
Воинственный вид.

Наурянул дежурный,
Хватая наган;
Внезапный и бурный
Влетел Цукерман.

Мноновенно бандитов
Умолкнул «парад»,
Как горем удиты,
Понурясь, сидят...

Вдруп – песенку с жаром
Про «Мурку» поют –
«На Невском у бара» –
Любимую тут.

Я вспомнил картину:
Бродячий скрипач
И волки, лавиной
Белущие вскачь,

Его догоняя...
Сработал сигнал:
Себя защищая,
Он скрипку достал.

Играет, играет...
Кругом тишина.
Вся стая внимает...
Мороз и луна.

Зубастые пасти,
Глаза: угольки –
И, полное власти,
Движенья руки...

ЧУМА

Заворчу: – Ой, эти урки!
Их сослали на Восток,
Чтоб разбрасывать окурки
Да плевать в потолок! –

По углам поставлю ведра,
Иде опилки и песок –
Одобрят: «Верно, добре
Дид, папаша, старичок!»

Между тем они же сами
После выхода на двор
Грязь размажут сапогами,
Харкнут на пол, сбросят сор...

Впрямь Буренина сатира
Или «горе от ума»:
Нам прислали бригадира
С прожким именем «Чума»!

Испугались инвалиды,
Зашептались с горяча:
«Он придумает обиды,
И под сердце даст леца!»

Мы-то что! С завхоза Джуры
За крикливое слово
Он «сдирал вторую шкуру»,
Бил дубинкою в лицо!

Сердце вынуто из РУРа
И последний свет закрыт –
Слишком зла карикатура:
Не начальник, а бандит!

ДНЕВАЛЬНИЙ-ПИЙТА

В стране этой дальней
Я «длат» заслужил:
Пийта-дневальный
Для многих уж мил.

Держу я тетрадку –
Для нагих улов
Читаю с олядкой:
Я славлю любовь,

Порогу злодейства,
Проклятья земли,
Как в мирном семействе,
Беседы текли;

Казалось, что дома –
В былые года –
Мы были знакомы,
Встречались всегда.

Все слышали веря –
Как дети мои;
Без злости зверя,
Без яда змеи.

В постигшем несчастьи
Так горды во всём!
Но таждут участь,
Беседы про дом.

«Покажь нам» – попросят –
«Портреты семьи!»
И сразу – как скосят
Печали свои!

«Ты дай намладеться!»
И жмутся к плечу
Наивно, как дети...
Сижу и молчу.

Один из бандитов –
Грабитель и вор –
Светло и открыто
Посмотрит в упор.

И скажет: «На лица
Такие глядеть –
Не страшна темница,
Не страшна и смерть!»

На Дальнем Востоке
Я ставил навид
Бодрыщие строки
«Республики Икид».

Хвалили Мишкова:
«Мы – странники тоже!»
От вредного, злого
Уйди, молодёжь!

– «Ах, странники тоже?!
Но в сердце теплей,
Когда нам дороже
Печали людей!.. –

«Уж я – не лялавый»:
Семейственных уз
Я строго по праву
Как старший, коснусь.

Я книгу не пряху –
Все просят: «Читай!»
И брани собакей
Не слышится лай.

Смотрю я: мальченок –
Носиком горбом,
Совсем ястребёнок...
И «главного пол»...

А схватит за лотку –
И руку в карман:
«Боитесь щекотки
Ревнивый павьян?!..»

Сейчас горделиво
Подальше сидит...
Но зрющей нивы
Мне вспомнился вид.

А главный-то, «Рыло»,
С девичьим лицом –
Амур, легкокрылый,
Проказливый ном!?

Он скорчил гримаску:
«Плохая среда...
Мне дали бы таску
В былые года...»

А доктор с лекномом
Беседы ведут
О быте здоровом,
О праве на труд....

Не будут ли слывты
Трудами – как сор –
Все эти бандиты,
Бездельник и вор?!

ЛЮДИ-КРЕСТЫ

На фирсовом Мысе
Есть «люди-кресты»:
Суровы их мысли,
Упрямы мечты.

Начальству заботы –
Вне принятых норм:
«Вы сняли с работы –
Давайте же корм!»

Белеет скуфейка
С зелёным крестом...
«Антихрист, посмей-ка:
Я – вместе с Христом!

Вести перековку?
Я – воин в бою:
Сейчас голодовку,
На смерть объявлю!»

Они осуждая,
Глядят на «отцов»:
«Вы ищете Рая –
Бойтесь оков!»

За чтение газеты,
За новый роман
Напал на поэта
Духовный титан.

Сказал я «скуфейке»:
– Бог любит труды –
Вернётесь к семейке...
«Что?!» – вскрикнул – «Куды?!»

И терпят уколы
В течение лет:
«Ах, вы боюшлы!
Ах, ты дармоед!»

ПАСХА

Всю Ночь находилсь
Один во дворе;
Казалось – молился
В своём алтаре!

И вот, возвращаясь
В палатку к утру,
Смотрю наслаждаясь,
На солнца иру...

Навстречу мне скачет
Пронырливый шкёт;
За пазухой прячет
Какой-то пакет.

«Без боя и таски –
Гляди – повезло!
Пируй ради Пасхи
Начальству на зло!»

Копчёная рыбка,
Свинины кусок,
«Холодного» гыбка
И масла брусок.

«Без боя» – не верю!
Боюсь и не взять:
Противится зверю –
Неладно оязть.

«Прошу тебя, Дядя:
Пускай я – халуи,
Но Праздничка ради
Меня поцелуй!»

Я выполнил это,
Зайдя за барак.
Он, вместо ответа
Заплакал в кулак...

Куда же я спрячу?..
Но тут же решил
Такую задачу –
На всех разделил...

«Как это прекрасно!» –
Сказал Христофор,
С улыбочкой ясной
Взглянувши в упор.

«Великая сила» –
Сказал Константин –
«Его осенила:
Из всех, ведь, один!»

А Пётр прослезился:
«Разбойник, бандит
К Христу обратился!
Не будет забыт...»

«Прославьте Бога!» –
Возвал Христофор –
«Споёйте немного»
И «прязнул» наш хор.

Священную Пасху –
Тропарь и Кондак,
Почти без опаски
И весело так...

Вдуря урки-мальчишки
Мне трюшко кричат:
«Твои подбренчишки?
Бери их назад:

Нам тонка и дочки
Завяли протест!»
Смотрю – на цепочке
Пронавший мой
крест!..

На сердце – веселье,
В душе – благодать...
В таком окруженьи
Так Пасху справлять?!!

***

Копченая рыбка,
Свинины кусок,
«Холодного» хлеба
«И маела» брусок.

«Без боя» – не верю!
«Бовос» и не везу;
«Тройничек» зверю –
«Младно» охоту!

«Трошечку» Дядю,
«Трушечку» – Дядю,
«Трагичность» ради
«Трошечку»!

1-Е МАЯ

Во всём перемена:
Под флагами двор,
Устроена сцена,
Украинский хор.

Под рокот гитары
Гармоники, взмах,
Чтоб юный и старый
Воскликнули: «Ах!»

На празднике этом,
Трудящихся друг,
«Учением-светом»
Блеснул политрук.

И группа артистов
Дала «номера»
Хвалили режисста
Кричали «Ура»:

Знакомая дама –
Прекраснейший алыт,
Невица из храма
Являла талант.

Я два-три момента
Из пьесы прочёл;
Под аплодисменты
Со сцены сошёл.

И пляски, и пенье.
И дружеский шарж
И под настроение –
Вонзительный марш.

Был праздничный ужин –
Повторный обед...
Для нас он не хуже,
Чем прежний банкет.

КОЗЛЁНОК

На диком утёсе
 (Прибегуще птиц) –
 Козлёночек лютый!
 Для резвых копытц

Простора немного;
 И выскочить рад –
 Да где же дорога
 Отсюда назад?

Кричит он: «Родная!
 Приди ж за мной!»
 Та, с горя немая
 Трясёт бородой...

То звёзды блестяи –
 Живые огни
 То солнышко стрелы
 Бросало свои...

«Ой, ножки ослабли –
 Хочу полежать!
 Водички бы каплю
 Попить мне достать!»

Сорвусь через день я...
 Растаю снежком:
 Или белой сиренью
 Осыплюсь кружком...»

Что-ж мы, как вороны,
 Без толку кричим?
 Скорее по склонам
 Полезем за ним! –

Обвязан канатом,
 Наш ротный лихой;
 Он тутко пиратом
 Крадётся босой.

Отброшены шутки...
 Все держим канат,
 Ещё три минутки –
 «Ура» и «Виват»!..

Ну, ротный, ты – мастер
 Картины святой
 С названием «Мастырь
 С задумшей овцой»!

ЗА ПРОВОЛОКОЙ

Темнеет. Безлунно.
И проволок нить
Пошла однострунно
Вкрут лагеря нить.

Обварки-шейки
Собрались в кулак:
«Лупяка, посмей-ка
Покинуть барак!»

Я чувствуют инуса:
Как молнии ток,
Ударят, укусят –
Не рвись наутёк!..

Ней горести чарку!
И ней и терни...
Оскалясь, обварки
Бегут по цепи –

Как будто прохочет,
По рельсам трамвай...
Вы спите, кто хочет –
Не слушайте лай!

Лишь, к утру конвойный
Задремлет на час –
Уж дышат спокойно
Собаки, лотась...

Но всё-ж, в сновиденье
Мечтатель иной
Ушёл на мновенье
На волю – домой,

Иде в дружбе семейной
Все сели в кружок;
Он вылил портвейна,
Был счастлив, как мог:

Ведь снова с женою
И детками он!..
Но – будто волною,
Смывается сон...

Уже побелело.
Звонят на подъём:
«Вставайте! За дело!..»
Не меньше ли днём?..

ДОМ ОТДЫХА

Поутру по снегу,
Ползла к воротам
Пустая телега:
«Собирайся с вещами!»

Как в юные годы
Нахлынуло в грудь
Мне чувство свободы,
Телание в путь.

А путь, был от снега
Блестяще – красив;
И солнечной неси
Шёл тёплый прилив.

Нет стражи на башне,
Где зданья больницы;
И много домашних
Животных и птиц.

На верхние нарвы.
Залез Краснодар,
Со сказкою старой:
«Не должно дремай,

Схватил ён, понятно,
Свой меч-кладенец!..»
Хоть сказка приятна,
Но – скоро-ль конец?

Кто смотрит сурово,
Кто скажет «Ай-ай»;
А он через слово –
«Не должно дремай»...

Стою на террасе,
Накинув бумлаёт –
Как будто бы в вальсе
Снежинки кружат.

Давно ли порхали
Кружом мотыльки
И в вешней печали,
Томились деньки!

И вот уже вьюга
Стучится в окно:
«Ты с книгою – другом
Учился давно;

Привыкни же к стуже –
Ведь вредно тепло!»
И ветер снаружи
Забился в стекло.

И снежит дорогу
Бурливый апрель...
Я повесть Толстого
Читаю «Метель».

Страниц превосходных
Картины живей,
Когда непогода
Шумит у дверей.

Читаю Толстого
Бушует метель.
И – празная снова –
Остыла постель.

Одну лишь неделю
Подыть я успел:
«Довольно безделья»!
И снова у дел.

Но странно: «Негодный»;
«Большой» арестант –
Как самый удобный
Рабочий талант!

РОЖДЕСТВО

Товарищ из Луи,
Почтенный содрат,
Мне сделал услугу –
Защитил дунлат...

Церковного стиля.
Канун Рождества.
Предпраздничной Былью
Полна голова.

А ветер, как дома –
Пушистый снежок...
Вот поезд знакомый
Оставил Восток:

Он мчится, счастливый,
На Запад давно,
Иде рядом с заливом
Лежит плотно.

Цуляю. А сзади
«Скуфейка» идёт
И, Праздника ради,
Тихонько поёт.

Смотрю – с небосклона
Мигает Звезда.
«Вот звёздочка, Вона!..
Покушать бы – да?»

Проходили по кругу –
Молодка с кульком
Ко мне, словно, к другу,
Подходит тайком:

«Для праздника с маком
Спекла пирожки...»
И смазали лаком?
На них огоньки! –

«Конфетки, картошка,
Бутыль молока...
Простите – немножко...
Процайте – пока!..»

Подарком сконфужен,
Лягу ей вослед...
Окончился ужин –
Из дома пакет!

А утром Виталий
И с ним Христофор
Посылки вскрывали:
Богай я, как Форд!

Пью чай с сухарями
И ем пирожок.
Втроём мы с друзьями
Засели в кружок.

Изъяный Виталий
Желает в «пути»
От ясной печали
До счастья дойти...

«О, как мы богаты!» –
Сказал Христофор;
Он – мяккий, как вата
Корректный, как лорд!

Втроём прошептали
Тропарь Рождеству –
Душа от печали
Неслась к торжеству...

Украдкой «скуфейка»
Несёт пирожок:
«Покушай скорей-ка!
Денёк-то, Денёк!..»

ПИСЬМО ОТ ВЕРУНИ

*Прислала мне Веруня
В конверте при письме
Свои миниатюры.
Запели сердца струны:
Ведь так верны натуре
Фантазии в уме!*

*Вот «Осень дорогая»!
Вот золотится розь!
И в парке пруд зеркальный!
И дом, и птичек стая!..
И так жива, реальна
На льжах молодёжь!*

*Картинной галереей
Ляздит моя стена –
И «выставка» открыта!..
Расти, духовно зреть!
И будешь знаменита
Коль в технике сильна.*

КОВШ ДАВИДА (СОЗВЕЗДИЕ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ)

*Ковш Давида, ковш алмазный,
Ярко видимый вдали,
Каждый вечер путь неспящий
Начинает от земли.*

*За ночь, он взойдёт к зениту
И, прося житейских благ –
Чтоб удобней взять Давиду,
Повернётся ручкой так –*

*В направлении востока.
И в ковше для всяких тред
Во мновенье будет ока,
Как бы райский чудный хлеб.*

*Пошрав на арфе звёздной
И прорев: «Обед хорош!»,
Псалмопевец грациозно
Над землею склонит ковш.*

*И серебряные кудри
Рассыпая, точно свет,
В Рай уйдёт, оставив мудро
Людям в ковшике обед.*

*Если в небе средь зенита
Ковш под утро заблистает –
Это знак Царя Давида,
Для начала трудных дел.*

ВОДОПРОВОД «СЕДАНКА»

Седанка рыкает,
Как лев молодой.
Зимою, как в мае,
Пахнуло весной.

Как фейерверк взрывов,
Злизи фонарей
Сверкает надиво,
Как огненный змей.

Машины – титаны,
Работа – шланг.
И лёд океана –
Живой бриллиант.

Канал грациозный
Во Владивосток
Направит свой грозный
Искристый поток.

Была передышка –
Рабочий скандал,
И я к завдальмацу
В доверье попал:

«Он – честный, надёжный,
Для нас идеал;
И силой, возможно,
Большой овладал;

Конечно, теперь он –
Почти инвалид,
Но в нём не потерял
Внушительный вид».

А я в изумленье:
Отёк до колен,
Моё положенье
И дуквы «Б-Н» –

Рабочая рота!
Не снится ли сон?..
Но вот для работы
Мне дан комбинезон

Ударим в лопаты,
В кувалды, в ломы!
Здесь рыцарей латы
И каски нужны...

Пусть молот по лому
Без усталости бьёт –
Быть может, до дому
Удавится год?!..

Из бездны камня
Вносятся тут;
Их тарки в ливень,
Как волны, несут –

*Чтоб шумным приливом.
Подросить под скалы
И в беге красивом
Отхлынуть назад.*

*Урохочут каскады
Неска и камней,
И это всё надо
Убрать поскорей...*

*Вот мощные трубы
Опущены в ряд,
И молоты в зуде,
Блестая, кружат.*

*И в недрах глубоко
Буравлю сверлом
При помощи тока
Подпочвенный ком.*

*Трещит, как кузнецик,
Конвейер – шланг,
И дальше засечек
Превыполнен план!*

ЛЕКПОМ ШУМ

*Работал недаром
Я понял потом:
Меня санитаром
Зачислил лекпом.*

*Во время приёма
Стою у дверей –
По слову лекпома
Впускаю людей.*

*«Прозьд на Седанке
В проклятом зубу –
Лекарство мне, данки!» –
Я слышу мольбу.*

*Мне доктора надо:
Раненье в груди!..
От этого ада,
Живым не уйти...*

*Давай освобожденье!
– Не клянчи, не плачь!
Какое раненье,
Зачем тебе врач?*

*Давайте попросе
Посмотри на лень:
Ведь мы не у тётци –
У нас труд-до-день!*

*Я-б сделал уступку,
Но – тем-не-ра-турь!
Обманешь ли трудку?
Болезнь твоя дурь! –*

*Крикливее стало...
Приходит нацмен:
«Стес бол мала-мала
Ниннуца калэн!»*

*– Довольно обмана,
К работе, браток:
Не выполним плана!
И шум – наутёк...*

ЗОЕ – «ТВОЯ ДУША»

Луна берёт от солнца свет,
А от земли – её печали,
И, полная забот, нет-нет
Посмотрит в розовые дали.

Во всём участия полна,
Бери от Солнца больше света –
И пусть сияет, как луна,
Твоя душа – душа поэта!

Зое – «Твоя душа»
Луна берёт от солнца свет,
А от земли – её печали,
И, полная забот, нет-нет
Посмотрит в розовые дали.
Во всём участия полна,
Бери от Солнца больше света –
И пусть сияет, как луна,
Твоя душа – душа поэта!

Зина Баранова
...и еще...

В ХАБАРОВСК

Мы снова в «теплушке»...
Словесный трезвон,
И, будто игрушка,
Конвойный вагон.

Остался без места –
Ложись на полу.
Хоть слухи известны,
А ловишь молву.

Проходят колёса –
В Хабаровск спешим.
Летит над откосом
Клубящийся дым.

Весь город огромный
Летит на холмах –
Не мрачный, не тёмный,
А в ярких огнях.

В нём улица Маркса,
Проспект Октября,
Что жителю Марса
Сияет, горя.

Дела, а не мысли:
Горящий мотор
Причал медкомисси
Блестящий собор.

Начальник медчасти,
Красавец-брюнет,
Возманил (и с властью)
Больничный совет.

Смотрели любовно
На высохший стан,
На голени брёвна
С отпечатками ран...

«Пол-срока не сбросим?» –
Дошло до меня.

– Пол-сотни и восемь:
Плохая статья! –

Сказала блондинка,
То бишь прокурор;
И вышла заминка –
Смутился собор...

Но к полночи снова,
Два дельных врага
Смотрели больного,
Пиша споряча.

В бумаге «секретно»
Виделось и «акт».
Иядеть – не корректно,
Подмядывал – факт.

Двенадцать счастливы,
А сотни – «нема»...
Плакугие ивы –
На годы тюрьма!

КОЕ-ЧТО

В конце зимы, весны в начале
 «Расхмулилась» цыгтя –
 И мы в здоревье «подкачали»,
 Ослабло сердце, боль в ногах;

Распухли дёсны; осладели
 Все зубы – сразу, как один.
 При этом для лечебной цели
 Давать бы надо витамин.

Или питание усилить...
 Но чем?.. Баланда – как вода!..
 И зубы – сами, без насилья –
 Из дёсен падали тогда.

Варюши золотое слово:
 «Зубов таких не вынимать;
 А если выпадут, то снова
 Вставлять и дёснами сжимать».

Я так и делал. И в итоге
 Какой разительный финал:
 В обратном рейсе по дороге
 Лишь четырёх не досчитал!

С начальством я не заводил
 Обычно никакие речи.
 Всё выполнял по мере сил,
 Не отрицая, не перега.

А мноше входили в раж
 (Начальству новые заботы),
 Устраняли саботаж –
 Не выходили на работы.

За это – маленький паёк –
 Совсем «голодная диета»;
 Угрозили увеличить срок.
 Но не пугало их и это:

Они имели от друзей
Всегда богатые посылки –
И средь особо сытных дней
Им не страшилась трудность ссылки.

Бывало, мне «перепадёт»
От их своеобразной банды:
Встречая в кухне у ворот,
Мне отдадут свою баланду.

А слабый и больной народ –
Конечно уж не из протеста –
Отказывался от работ,
В мошле лишь предвидя место...

Не первой свежести еда
Или отбросы для животных
Оказывались иногда
Мне пищею вполне природной.

«Млохая» у меня статья.
Но, несмотря на это даже,
Дом отдыха имел и я,
И независимо от стажа.

В конце уборочной совхоз
Писал о сборе урожая –
Что проработала всерьёз
Часть заключённых досвая.

Нам – благодарность и намёк
На скорое освобождение...
Быть может сократиться срок
В связи с особым положением?

МОЛОЧНАЯ

Взамен Ленинграда –
К Молочной этап...
– «Больных бы не надо?!» –
Воскликнул прораб.

Но будем здоровы
На старости лет:
Здесь собрано много
Весёлых примет!

В объёмках Амура
Бежит Уссури
И ярче пурпура
Сиянье зари.

В ночной перекличке
Поёт петушок.
В курином зычке,
Как солнце, желток.

Пастушья напевы –
И сотни коров
С мычаньем из хлева
Выходят на зов.

А тёлки вприпрыжку
Танцуют галоп...
Уж солнце «на вышке»,
И курится сноп.

Там старцы, как дети
На воле резвясь,
Смеются, что в сети
Попался; карась.

И сыты и пьяны,
И нос в табаке,
Коль жарят сазана
В кипящем жирке.

В столовой – колонны,
Портреты вождей.
Служанка с поклоном
Встречает гостей.

Украшен цветами
Обеденный стол,
Иде между друзьями
Я место нашёл.

Матильда служанка
Сказала, как мать:
«Затянутся ранки!
Нельзя голодать».

Подкармливать стану...
Ведь голод – нелеп...
Вам надо сметаной
Намазывать хлеб.

И если баланда –
Пустая вода.
То будет неладно
Здоровье тогда...

Поправитесь скоро –
Не старый какой!
Весёлый, здоровый,
Уйдите домой!»

Нежданная ласка
 В суровых краях!..
 И ночью, как в сказке,
 Я резил в мечтах...

Кухарка-толстуха
 Блондинка с душой:
 И вьётся, как муха
 Весёлый конвой.

Прочти-ка папаша,
 «Что пишешь жених!
 Про счастье ты наше
 Наладиль ли стих?»

«Наладил» я речи
 О том, что любовь,
 Как роза, при встрече
 Раскроется вновь;

Что гашу страданья –
 В разлуке испить,
 А радость свиданья
 Вдвоём отживить.

В награду мне – сахар
 И ложка мёдка,
 Придёт парикмахер –
 «Моброй старичка»!

И выну неожиданно,
 С карманным платком,
 Кусочек сазана.
 Котлету с тирком.

А носы распухли
 От пята до колен,
 И чувствуешь... в кухне (!),
 Что счастье – тлен.

ВИЗА

Сегодня рассвальный
 Пришёл инвалид,
 И, кажется, сильно
 Растроен на вид:

Трясётся пеловка
 И ножка «шамит»,
 И ручка неловко,
 Как плётка висит.

Он прибыл без «форда»,
 Подмышкой пакет.
 Но выкрикнул гордо:
 «Вы – кухонный дед?!

Для вас экспертиза –
 Бумага с Москвы.
 К принятию визы
 Готовы ли вы?..

Я болен, товарищ,
 Вы тоже – как тень;
 Ударит паралич –
 И мози набекрень!..

Счастливец: на волю!..
 Прощайте! Привет!..
 И, корчась от боли
 Уносит пакет.

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

На Востоке Запад снится –
Тысяча первый будет сон...
Ярким солнцем озариться
Мой приветливый вагон;

Не товарный, не «тепушка»;
Без зеркального стекла.
Но изящный, как ирушка,
И летящий, как стрела.

На дорогу выйдут тигры
И, растягиваясь в нить,
Надеву поднимут иры,
Чтоб поэта восхитить.

По горам, подобным меди,
Понесётся рёв и вой –
Это волки и медведи
Попросят со мной.

Прыгнут зайцы. А лисицы
Заметят хвостом следы.
Запоют, засвищут птицы
На ветвях блеснут плоды!

Между тучек над землею,
Не пустынною тогда,
Поплывёт Луна за мною
И покатится звезда.

Иль подхватит луч Востока,
Настоя по пути –
Чтоб меня в мновенье ока
Прямо к дому принести!..

Много мыслей, но в секрете
Лишь одну млею я:
Что мои жена и дети
Ждут с любовью меня.

НЕ ШЕХЕРЕЗАДА

Не говори: «Шехерезада
На Дальний сослана Восток»...
В картине жизни муза рада
Найти чарующий штришок.

С командировки Океанской
Ленивый смеется за борт;
А труд пройдет волной шлантской,
И для трудящихся – курорт.

Не жизнь урюмая в бараках –
Она теперь в особняке,
Уде сон покоится «на маках»,
И ложка встала в котелке;

Уде труд идет разумно-скоро
(Да и по силам – он здоров),
И стали человечней взоры
В приюте фруктов и цветов.

Не говори: «Шахерезада
На Дальний сослана Восток –
В картине жизни муза ради
Найти чарующий штришок»!

НА ДАЧЕ

«Вербованный лагерь»
Мы входим во двор,
Бросая в обравы
Накопленный сор.

Уютны бараки,
Под-стимь осодняк.
С дворовой собакой
Шалит молодняк.

Коровы и козы,
Горластый петух...
Чу: визги из навоза
Терзающий слух!

Столовая краше
Не встретилась мне:
О трещиновой каше
Лишь трезил восне;

А тут на второе
Бывает, нет-нет.
Намёк на жаркое,
Подобье котлет.

И ситного «найка...»
Да праздничный фон:
Бренчит балалайка,
Поёт граммофон.

Меня приглашает
К себе политрук:
«Тебе не мешает
Подправиться, друи!

Мы много ишагивь,
Товарищ – сосед!
Айда к нам на дачу –
Будь кухонный дед!

Ночуешь в сторожке
Работы на трош:
Почистишь картошки,
Кругом подметёшь...»

И вот я «на даче»;
Готовлю еду
Персонам собачьим,
Уборку веду.

Считалось от века
В порядке вещей,
Что друи человека,
Защитник детей

Есть только собака.
И наш осодняк
В пределах дальлага –
Питомник собак.

Отдельные миски
Везде чистота...
Средь лая и визга –
О воле мечты...

Бывает, и с иречей
Стоюблю бульон
(И ясно без речи,
Что я – компаньон!).

То иреча, то «пшонка» –
Налажу меню...
Ещё поросёнку
Солому сменю

И свиньям стоюблю
Мирней, трёбухи...
Под этой-то кровлей
Слагались стихи...

Свинья с поросёнком –
«Ох!» – слытно вздохнуть,
Похрюкав спросонка
Пять-десять минут.

Любуюсь «на ривну»:
Подняв «пятак»,
Спокойно, наивно,
Хранят толстяки.

«На солнце есть пятна»,
А чистый «пятак»
Сняет опрятно
И весело так!

Как только начнётся
Сняющий день –
Кабанчик проснётся –
И рыльце в плетень:

И светится думка,
Средь белых ресниц –
Что вынешь из сумки
Для дружеских «лиц»?

Собаки встречая
Так нежно визжат;
Их доброму лаю
Бываю я рад.

Несытный обедом
(продуктов в обрыз) –
За нами все следом:
Кто вору не доест?!

Я им благодарен –
Малюты меня,
Что жизнью ударен,
Что голоден я:

Возьмут за «шитанину»
И к мискам ведут –
Остатки свинины,
Повядины тут.

И, благословляя,
Я съем всё подряд...
Хвостами виляя,
Умилно глядят.

СОБАЧИЙ ВОЖАК

Приязнь проясляет
Собачий вожак:
Меня забавляет
То этак, то так.

«Один поезжанин
Тут нам говорил,
Что Караль – датчанин
Лекарство открыл».

– Не Караль... признаться...
А Датский король?!
«Да брось ты трепаться –
Ему до того-ль?!..»

«А «Хижина Тома»,
Про негра рассказ.
Читал ты, знакомо?
Ведь – слёзы из глаз!?

А пишет про Тома
Родимая дочь –
Печатает роман,
Чтоб горю помочь».

– ...Не Бигер ли Стоу? –
– «Конечно! Ведь так
Фамилия Тому» –
Ответил вожак.

Он любит «науку»,
И пишет в тетрадь
Для сына и внука,
«Как пса воспитать»;

И, будто, овчарки
С привылым хвостом,
Красуются ярко
Все буквы с крючком.

«Невер я, еретик –
Учёный я, спец:
В поповские сети
Не сунусь, отец!

Павлов – физиолог
Мне дорог всегда;
По рефлексам дорог
За эти года!»...

«Как внуку Володе»
Собрался вожак –
Писать о породе
Различных собак.

Я очень доволен,
Что скоро опять
И думать я волен
И даже писать!

СОВХОЗ «СРЕДНЯЯ БЕЛАЯ»

*«Средняя Белая! Ссылный совхоз
Дальневосточного края!» –
Так запылённый кричал паровоз
В утро весёлое мая –*

*«Я из Хабаровска. Встретьте этап –
Вышлите в помощь машины:
Здесь инвалиды, и каждый ослаб,
Ноги цыганские, глина!»...*

*Крики без эха... И смолк телефон...
Солнце смеётся над нами...
Мы, торопясь, оставляем вагон.
Путь зазмеился полями...*

*Церковь, как видно, была на селе...
Всё так обычно, знакомо...
Крылья раздвинув, сидят на земле
Чудища аэродрома.*

*Вот затрещали они, как сверчки,
Шумно бегут, как вагоны;
Словно стрекозы, тонки и легки,
Чертят лазурь небосклона.*

*Это удит, как илантский комар,
Те – как бы, с ястребом схожи,
Плавно летают, готовя удар,
Что-бы врага уничтожить.*

*Первое дело – приходим к врагу.
Юноша впрямь идеальный:
«Отдых даю и всерьёз полечу».
Здравствуй, участок Центральный!*

*Плавает рыбка в горячей воде,
Выданы хлебные «найки»,
И говорят о совхозном труде
Наши «газеты-всезнайки».*

После обеда пришёл грузовик;
 Все на него – как в атаку!..
 Ярко над нами подлёскивал штык
 И подкатили к бараку.

Всем уступая, вхожу позади –
 Только свободная «вышка»:
 Как человеку до койки дойти?..
 Разве – потяжку мартовшки?!

Влез я от боли шипя, как змея –
 Там «муравейник» клоповный!..
 Нет, не на вилле устроился я
 Повести Ксении Петровны!

Есть у Ксении Петровны
 Повесть «Вилла белых роз»
 Я-ж в стихах рисую скромно
 Прозаический совхоз.

И тетрадь в моём кармане,
 Как зеркальное стекло,
 Отражает без обмана
 Всё, что в жизни-б ни текло.

Не «в тени ветвистой клюквы»
 Я мечтаю о труде –
 На моём конверте буквы
 «ДВК», «НКВД»!

Здесь Манчжурская граница –
 Дом мой сказочно далёк!..
 Но я встречу с «Синий Птицей»
 И скажу: «Прощай, Восток!»...

Воля!.. Я к аэроплану
 Брошусь, встану на крыло –
 И за дылкою тумана
 Видно Детское село!...

Ночь. Летают сновиденья...
 И не правда ли, друзья,
 Что разлука – на мновенья,
 И меж вами снова я?!

ДОЧЕРИ ВЕРЕ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

*В семнадцатом году и в день шестнадцатый июня
В созвездье «Трёх сестёр» зажегся новый свет –
Художница и поэтесса, милая Веруня.
Подумать странно: младшей девятнадцать лет?!*

*Солнце было на заходе,
В окнах – розовый отсвет.
Мама шепчет: «Без Володи
Мне трудней, и силы нет...»*

*Я бодрюсь, страшась впервые:
Тьма сменений в этот год...
Может быть, Господь какие
Испытания пошлёт?*

*Пётр – веры утверждение.
Начался Петровский Пост –
Тут и дочери рождение.
Смысл случившегося прост:*

*В век неверия – примеры
Утверждения хороши;
Дали дочке имя «Вера» –
В крепость тела и души.*

*«С новорождённой Веруней!» –
Мне сейчас сказал закат.
Вновь я молод, как в июне
Девятнадцать лет назад.*

*И я не чувствую, что – слабый, жутко одинокий –
Я пустоцветом увядаю, как пиит:
Ведь я пишу, где солнца луч, рождённый на Востоке,
Ласкает стих и ярким блеском золотит!*

В ПРИРОДЕ

Я на работе – собираю сорняк.
 Вспыхнут костры золотые...
 Яркую песней сверкают в полях
 Маворонки – звёзды дневные...

Птичка ударник – отличник поёт
 Неумолимо-задерно;
 К небу ступеньками делает взлёт,
 Падаёт камнем проворно.

Астред оролнейший плавно летит –
 Не пошевелит крылами...
 И на работе в полях инвалид
 К дому несётся мечтами...

С новорожденным
 Мне снится снова
 Возвращение в молодость
 Десятинадцать лет

е чувствую, что – слабый, жутко одинокий
 улетают ветром уведают как пух:
 в пещу, где сохнет луг, рождённый в расстойке,
 вей белым и ярким в белом золотом!

В природе.
 Я на работе – собираю сорняк.
 Вспыхнут костры золотые...
 Яркую песней сверкают в полях
 Маворонки – звёзды дневные...

ЖЕНЕ КО ДНЮ СВАДЬБЫ

*Превосходные майские дни
В Среднедельском восточном совхозе
Мне напомнили праздник любви
И Твои подвенечные розы.*

*На Васильевском острове Храм –
На две линии с белой оградой
И крестом, что взлетел к облакам
Над приотом со школой и садом –*

*Полон рьяной приходской семьёй,
Что склоняет «красавица» слово;
Мениха же бранит: «Ну, худой –
Отдают за уroda какою!»*

*Белой ночью в двенадцать часов
Отправляется поезд; ракетой
Мимо ряда «петровских» домов
С «молодыми» мелькнула карета.*

*А восторженный свадебный цул,
Догоня, летел до вокзала,
Иде полночный свет развернул
Голубое своё покрывало.*

*Спит в Кикерине роуца берёз,
А восток разгорается краше...
О, букет распустившихся роз
И уютное инёздышко наше!*

*Сымя золото ярких лучей,
Поздравляет горячее солнце,
«С добрым утром!» – поёт соловей
На в открьтое настёж окно.*

*А позднее случился «пассаж»,
Я заняться решил самоваром,
Но «ушел» он – и в нижний этаж
Струйки-слетницы льются недаром.*

Там не ждали хозяйскую дочь
С женихом-кавалером в придачу,
И решили, что в белую ночь
Без хозяев воршилки на даче.

Донесенье уряднику: «Вор!»
Тот спешит поддержать дисциплину —
И стучится. Карательный взор
Переходит в умильную мину:

«Это, Барышня, здравствуйте — Вы?!»
И глаза покрываются лаком:
«Барыш... Барышка! Счастья в любви!
Поздравляем с законнейшим браком!»

Кому несешь мечи
нашей работе в мечи
не пошевелил
треб огорчений
даст как

Семье к Дню Свадьбы
восходные майские дни
еднебесном воспитанном совхозе
е напомним праздник Любви
т-вои подвешены все розы.

Васильевском Острове Крам —
я две Анны с белой вградой
у крестом, что взмечет к обилакам
Над притоном со школой и садом —
домом рыдной приходской семьей,
что слышится красавица = слово;
женуха же братиш: ду, худой
отдают за урода // Какого!
ночью в двенадцатом часу
поезд ракетной
поезда ракетной
поезда ракетной
поезда ракетной
поезда ракетной

НА БАХЧЕ

«Бери, папаша, семена:
От дыни есть и от арбуза –
Не спутай только, старина!
Сажай – как «Робинзона Круза»».

В навоз, размельчённый в земле,
Я гудже опускаю семя
И думаю – в осенней мле
Придёт счастливейшее время:

Вкушу труда сладчайший плод –
Свободу, лучшую отраду –
И поезд, разбивая ход,
Меня погтит до Ленинграда...

Пошла работа на бахче,
Где до зимы стоят палатки.
При ярком солнечном луче
Блестят разделанные грядки.

Стемнеет – звёзды и луна,
Печали светлая отрада...
Мечтательная тишина,
Картинки из Шахерезады!

Горят костры из сорняка,
Летят стремительные искры
По дуновенью ветерка,
Кружась и исчезая быстро.

Аэропланы в огоньках,
А кажется, что будто марки
Пестрят на четырёх краях
Конвертов, внизу видных ярко.

Конвертов нет – летят кресты.
На каждом, будто на ироднице,
Горит огонь среди темноты –
Как пред таинственной божницей.

Царит ночная тишина,
Невыразимая в печали...
Душа сиротствует одна
И просится в родные дали...

БОЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ

До зари, как в сковородку,
 Сторож сонно бьёт железкой:
 «Эй, пойдём! Спеси к работке!» –
 Раздаются крики резко.

Есть ли завтрак или нету –
 Задымился чай «фруктовый».
 Через пять минут одетый,
 Круж дневной я начал снова.

Из барака (нашей виллы)
 Мы шагаем, будто цапли...
 И под солнцем светят виллы
 И подлёскивают грабли.

Плохо, доле шли до места,
 Спотыкаясь и хромая –
 Будто под ногами тесто,
 А не тропка полевая.

Как пришли, взялись за дело,
 Сил остатки приложили –
 И работа закипела,
 Как от полноценной силы.

Быстро вычистили поле –
 И куда исчезла вялость?
 Только сердце бьётся с болью...
 «Хватит, отдохните малость!»

«Перекурка» – с дремотою...
 От костра дымок пахучий.
 Мы поджариваем сою
 И сорняк собираем в кучи.

Кто смелей – сварил картошку
 Иль испёк её «в мундире»;
 И трусишка вынул ложку,
 Как участник в общем пире.

Бригадиру нет обиды:
 Вся работа – выше меры.
 И обычно инвалиду
 В этом деле больше веры.

СОРНЯКИ

Дождь прошёл – поля чернели;
Но как только припекло –
Вся рассада за неделю
Вышла к солнцу, на тепло.

Дождевые бриллианты
Исчезают там и тут;
Птице – гении, таланты –
Вновь летают и поют.

На орнитые полёты
Засмотрюсь, бывало, я,
Отрываясь от работы...
Слышу трели соловья,

Слышу таборенков хоры
От восхода по закат...
И Небес святые взоры
На душе моей летят!

Как писал певец природы,
Лета лучшие деньки –
Третий июня – на исходе.
На прополку, старики!

«На прополку! На прополку!» –
Раздаются голоса.
Подбогась, стоят без толку
Сорняки среди овса.

Инвалиды – в море капли,
Но из капель – океан!
Растопырив руки-грабли,
Все в атаку на бурьян.

«Вырвать с корнем паразита!»
И пошёл за рядом ряд,
Объявляя бой открытым,
Весь «карательный отряд»:

Эти войны лихие
(Инвалиды, старики)
По-отдельности – плохие,
В общей массе – велики.

В этой схватке рукопашной
Все старания полны:
Так что, брани «трех-этажной»
Восклицанья – не нужны.

Впрямь завеса дымовая –
Это пыль летит столбом:
Корни, землю рассыпая,
Вырываются с трудом...

Только двое «подкачали»,
Засорив глаза землёй;
А работали вначале
«Здорово» – сказал конвей.

Расцарапанные лица,
Руки стёрты до крови...
Может скоро появиться
И бумага из Москвы?..

В ПОЛЕ

Выйдите в поле! Смотрите: сорняк
Сою хватает в оханку.
Ну уж, действительно, взрослый дурак!
За ухо! Побоку тѣжкой!

Вспомнишь о князе великом Донском,
Вспомнишь о Хане Батые –
Это подсолнухов рати лихой
Шлемы горят золотые.

Сильно возвысился тиною своей
Тёмно-зелёный картофель:
Просит окутить, как можно скорей,
Свой вызывающий профиль.

В рядках капуста – как будто мороз
Иньем подёрнул красиво –
Точно бутонь огромнейших роз
Белых с зелёным отливом!

Свёкла на фоне зелёной травы
На огороде раздольном
Хвалится видом красивой ботвы,
Цветом гордится «свекольным».

Дыни, арбузы леги на брюшко;
Тыквам ещё тяжелее.
И огурцам уж теперь нелегко...
Зрейте же, зрейте скорее!

Лук настоящий и лук-миллипут;
Оба – модницы совхоза,
А помидоры и перец растут,
Будто пурпурные розы!..

Тёмный овёс – красота, красота!
Осень! Уборка настала...
Воля, свобода! Вы – только мечта...
Где-ж соловей-запевала?!

ДОЧЕРИ ВАРВАРЕ

*Тобою гордится отец,
С рождением Тебя поздравляя –
Увы, одинокий певец
Из Дальневосточного края...*

*С приятно-овальным лицом,
Высокая, стройная станом,
Увижу-ль тебя с мальшом –
Девчуркою или мальчураном?*

*Бывало – Ты варишь обед
Или склонилась к швейной машине...
Любуюсь, мечтаю нет-нет,
Что ты оживишь пианино...*

*Ногой нажимаешь педаль,
Летают по клавишам пальцы.
Как сладостна в звуках печаль,
Как мила старинные вальсы!..*

*Тебя восхваляет поэт,
С Рождением тебя поздравляя
Прими же стихи, как букет
Из Дальневосточного края!*

ЛУК

Начало июля –
 И лук на засол.
 «Не лук, а цвдуля!» –
 Нас учит «хехол».
 Не лук, а юстинец! –
 Смеётся «кацан»;
 И, как украинец,
 Две луковки – цан!
 Тот за щёку прячет –
 И сделался «флюс»;
 А этот заплачет;
 И я прослезюсь.
 Лук, мечущий стрелы,
 Нестрельчатый лук –
 Зелёный и и белый –
 Сверкает вокруг.
 Головка темнотна,
 Перо – изумруд...
 И песнею дружной
 Закончится труд.
 А дальше – укладка,
 Засолка под пресс,
 Закупорка в кадки,
 И – деликатес!

ДОМ ОТДЫХА

Рядом с больницей виднеется дом –
Добрая слава совхоза,
Иде утомлённому жарким трудом
Отдых на маках и розах.

Здесь на воротах алеет звезда.
Здание красивого вида –
Главная рота героев труда,
Иде, во основном, инвалиды.

Пишная клумба – кондитерский торт
В благоухающих волнах;
Рыжий красавец – и строен и горд –
В солнце влюблённый подсолнух.

Входим в уютную комнату; в ней
Две изразцовые печи.
Здесь не заденут ничьих матерей
Детски незлобные речи.

Шахматы, шашки и книги кружим,
Даже цветочные кадки...
Сразу припомнился Бабушкин дом,
Иде так мечталось сладко.

Дальше по стенам, как радуги кружи,
Ярко пестреют постели,
Иде инвалиды (юницы, старики)
Две отдыхают недели.

Слышно, что люди к работе идут;
Свежестью веет из сада,
Утром особенно ценить уют,
Полный дремотной улады.

К завтраку чайная ложка меду,
Ложка столовая масла;
Белого хлеба дадут по куску.
И настроение – прекрасно.

К полудню в тарелке наперчённый суп,
 Пионная каша – второе.
 (Или же просто фантазия из круп),
 Рыба или – как бы жаркое.

Рулани нет, и осмотришься с нар –
 Всюду домашние лица:
 «Нянюшка родная», «брат-санитар»,
 С ласковым видом «сестрица».

Милый Василий Васильевич здесь –
 Интеллектуальный, приятный.
 Лекцию может он славно прочесть,
 Каждому будет приятно.

Вечером ужин (повторный обед)
 И «постановка» или кино –
 Что уже на склоне и старости лет
 Не поддаваться уж сплину?

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕРЕДОЛЬСКИЙ

*Лекцию видный профессор прочёл
О половых отношеньях.
Он интересно отметил, что пол
Может иметь превращенья.*

*Вид аномалии – гермафродит
Иль изменения картины:
Курица «кукареку» закричит,
Дочка окажется сыном.*

*Сложная вещь – половой аппарат.
Но доказала природа,
Что по конструкции выше стоят
Особь женского рода.*

*Кто-то неумный насмешливо рек
(И повторяют доньне!)
Якобы женщина – не человек,
А дополненье к мужгине.*

*Родина – Мать, и в сыновьей любви
Все, не щадя своей жизни,
Храдро сражались в огне и крови
Ради великой Отчизны.*

*Мать и жена – этот образ высок –
Сила семейной твердьни...
Что это: слов нецензурных поток
Льётся на эту святыню?!!*

*Ругань и слово священное «Мать» –
Это ведь, несовместимо.
Кто уже дерзнул их позорно связать?!
«Высшая» осодь – мужгина!..*

Кончилась лекция – и разошлись
 Трохоты аплодисментов,
 Все обсуждали – работала мысль –
 Случаи разных моментов.

Ум Передольского – яркий, живой,
 Слово его – благозвучно!..
 А находящийся в зале конвой,
 Дал заключение: «Научный,

Грамотный шидко, хороший мужик!»
 Все согласились мужчины..
 Русский народ, как и русский язык,
 Справятся-ль без «материцны»?

Он – Передольский – учитель и друг,
 Доктор второй Елисеев,
 Многим известною стала вокруг
 Книжечка «По Енисею».

Он интересен для зрелых умов
 И для народа доступный:
 Мудрый философ, простой богослов,
 И путешественник крупный;

Он – эрудированный педагог,
 В мире наук популярный –
 Принял легко заключения срок,
 Богу за всё благодарный...

УБОРКА ПОМИДОРОВ

Пошла уборка помидоров –
Какая щедрая пора!
И сколько радости во взорах,
И каждодневный пир с утра!

Не помидор, а чаша с соком,
Иде тонкий искрится ледок;
И залпом пьём в миновенье ока:
«Да здравствует Владивосток»!

Собирай плоды: отдельно красный,
Зелёный – в сторону, а смят –
Ты не бросай его напрасно:
Он пригодится на томат.

А крепкие – себе в карманы:
В них витаминны дорожки –
Мы их привязываем к ранам
От неотвязчивой цыпки.

А если скрытность неуместна –
Неси две штуки напоказ;
Десятник всякий скажет честно:
«От них уж первый есмь аз».

Не старики, но в раже бурном
«Мальчишек радостный народ»,
В корзины, в ящики и в урны
Ссыпаем этот зркий плод.

И радость детская, тивая
Нас отдаляет от боли,
А эта «проба урожая»
Дает подъём упавших сил.

Коснись Земли рукою друга:
Прими благодаренья дань
За плод округлый и упругий,
Чья кожа – шелковая ткань!

БЛАТНОЕ МЕСТО

Ночь дневального лежка:
Слушай храп да вскрики говора,
Да смотри на облака –
Сливки, взбитые у поворота.

Да любуйся на луну –
Круглый сыр, сплошное золото;
И на каменной белизну,
Если вкусны булки смороду.

Заморить ли червячка?
Свет зытарный – масло чистое;
Иде земля была века –
Будто смоль, икра зернистая.

Воздух пряный, как вино
Ней всю ночь – занятие знатное...
Только спать нельзя: ровно –
Потеряешь места бластное!

НОЧНОЙ ДНЕВАЛЬНЫЙ

*Брожу, как дневальный, недремлющим стражем.
Бодрую – что есть силы, и всё же порой
В припадке сонливости стучаюсь даже
Об стену упавшую с плеч головой.*

*В окошко налево глядит одиноко
С лицом побледневшим немая луна
И хочет сказать, что на Дальнем Востоке
Меня полюбила до страсти она.*

*«С тобой!» – вздыхают и стены и крыша.
– «Не выпущу!» – стонет щелявая дверь.
«Не выйдем!» – пищат золотистые мыши –
«Мы, как в мышеловку, попались теперь!»*

*Присяду, но только – недремлющим стражем!
В палатке горит электрический свет.
Я – ссыльный, рабочий, ударник со стажем,
Блудил на свободе до старости лет.*

*Под бред молодёжи раскрою в отраду
Поэта кургавого найденный том...
О Детском селе, что вблизи Ленинграда,
Я в письмах семьи прочитаю потом.*

*И кажется мне – как стихи, так и письма,
Начертаны чудно пером золотым:
В них прелесть поэзии, лучшие мысли
И я окрыляюсь восторгом живым!*

НА КУХНЕ

*Около кухни не белай работ:
Если трудиться немножко –
Как баран, закружится живот,
Полный варёной картошки.*

*В облаке пара, как некий божок,
Повар на кухонном троне
Мирного мяса съедал котелок,
В масле тушил макароны.*

*Так и напишут в газете стённой
И разрисуют недурно...
Но и у повара минус большой –
Это глазастый дежурный;*

*Он назначался на каждый денёк
Как представитель бригады,
И незначительный даже порок
Критиковал без пощады.*

ОВОЩЕХРАНИЛИЩЕ

Длинное здание – всё под землёй –
Точно подводная лодка.
Здесь выдаётся за день трудовой
Завтрак и «девятисотка».

Сяду с корзиной и острым ножом
К мокрой картофельной куче –
Мухи и осы, жуки с мотыльком
Рвутся на воздух пахучий.

Прямо беда от воинственных ос:
Вьются, от запаха пьяны,
Будто шипами колючими роз
Руки болезненно раня.

Потный картофель – никчёмный, больной,
Но оперируем тело
И сохраняем остаток живой –
Крепкий и розово-белый.

А за картофелем дальше – морковь.
(Вот уж любимица наша!);
Тоже больная: закапала кровь –
Парная алая каша.

Чтож запескована влажным песком,
Кто виноватый – не спросим:
Всё завертелось тужающим волчком
В эту ненастную осень...

Мы, инвалиды, как дети земли –
Тоже никчёмны и плохи:
Палки стучат и скрипят костыли,
Слышатся кашель и вздохи.

Можно, и нам, вероятно, помочь
Лучшей едой и леченьем:
Чтоб человека не выбросить прочь,
А приложить попеченье.

ЛУКОХРАНИЛИЩЕ

Лукохранилище – вилла, дворец.
 Входиль – колонное зало
 (Местный Растрелли – строитель, творец)
 Светлое «Здравствуй» сказало.

В три отделения веером вход.
 В сумраке висят полки.
 Луку бы лучше полёживать год,
 А не валяться без толку!..

«Мейная милость», «росток молодой»
 Часто нужна передорка
 Сяду в очках у корзины большой:
 Буду осматривать зорко.

Норма – большая, и «ловкость рук»
 (Но не «мошенство», конечно!)
 Необходима для вас, старики,
 Вялых, к несчастью, вечно.

Лучший работник по луку – Мороз.
 «Дедушка» с виду холодный,
 Лук забелевший не бросит в навоз,
 Как совершенно негодный.

Стиснет в руке, и окрепший лучок –
 Как дорожке камень.
 Дай же, совхоз, за прекрасный урок,
 «Дедушке» благодаренье!

Как не похвалишь за мудрость Мороз:
 Лечит он живо и просто?!
 И виноват ли подросток-совхоз,
 Если болезни от роста?

БЕЛЕНЬКИЙ ДОМИК

*Беленький домик с соломенной крышей
В тонких берёзках уютно стоит.
Речи доносятся тремте и тише,
Вход для любого открыт.*

*Маслов – начальник участка Второго –
Как ашкатор и как патриот,
В полном содружестве дела и слова
Многие годы живёт.*

*Вот он: очки, за затылке фуражка,
Криво застёгнут потёртый душлат,
«Белые ножки», «душа на распашку»,
Он – и начальник и брат!*

*Двое десятников. Старший – Батурин –
Ус по-вильгельмовски, зоркость в глазах –
Как-то особенно и литературен;
Сказочный «кот в сапогах»!*

*Младший – Григорьев, чьи белые зубы
В Красно-весёлом сидят уюлке,
Свет по-крестьянски и видно, что любо
Всякому делу в руке.*

*Есть и Капустин (и вспомнился Чехов,
Иде с «лошадиной фамилией» Овсов!)
Мдут с нетерпеньем блестящих успехов,
Каждый на дело ютов.*

*Вынесли ящики красного перца –
Сразу, как будто, разлился огонь.
Плод благодарный, похожий на сердце,
Я положил на ладонь.*

НЕФЁДОВ

*Мчитсья в телеге начальник участка,
Дёртая сильно всё время вожжей,
Хоть добродушный жеребчик Савраска
Очень делун – не плохой.*

*Скорость большая и – прямо к окошку;
Долго ли ветхую раму разбить?!
Лучше бы сторону взял он немножко –
Этим удавится прivity.*

*«Дедушка!» – крикнул призывно Нефёдов –
«Мо есть дневальный.., возьмите коня!»
Я улыбаюсь, что в ссыльные годы
Старят напрасно меня.*

*Смотрит Савраска умно и шутиливо:
«Правда, действительно, ты – молодой,
Длинные ноги и пышная грива –
Как мы похожи с тобой!»*

*Дмитрий Иванович у телефона;
Взвьял под рукою его аппарат.
Брызнули звуки ответного звона –
Будет в дараке доклад.*

*Стол с табуреткой тащю на средину.
Пылкий Нефёдов покажет не в страх,
Как большевик, мировую картину
В общедоступных словах.*

*Каждое слово взовьётся ракетой,
Красочно даль освещая вокруг
Всё, что за месяц писали в газетах,
Связно представится вдруг.*

Нахнет грозой, и слышней у границы
Гролом ворчит неприятельский фронт,
И боевые сверкают зарницы;
Кровью залит горизонт.

Справа — страна восходящего солнца,
Слева же — буйно-безумный сосед.
Всё пролетарням — немцам, японцам —
Коммунистический свет.

Истина в том, что развал во вселенной,
Но проясняется радостный вид:
В море хаоса Союз многочисленный
Мощным утёсом стоит.

***

фёдор
Наташа
во всё время вождя Савра
ушиный жерёвник
Н-Кетлахоч.
большая, и — прямо к окошку;
вешают, фану. Разбитый!
в сторону, вздыб. Разбитый!
авиация, прыжок.
шка! — крикнул призывно Жерёв-
Ковч! ?
Жевальви... Возвысьте
Катос, это в севильские годы
т накрадено мена.
т Саврама уино и шуйливо:
а, действовательно, тав — толодой;
все ноги и пышкад зрива —
мы похожи с тобой!
Дмитрий Иванович у телефона;
звонит под рукою его аппарата;
и звуки отвейного звоня —
даже доклад
тату на средины.
не в сифац

К ОСЕНИ

За горами, за долами
Захрустят там зимы –
В Средней Белой над полями
Встанут хлебные холмы

Небоскрёбы из соломы
Вырастают там и тут.
Люди здесь – как будто иномы
Великан – огромный труд!

Рой картофель – хоть лопатой,
Хоть руками – торопись;
Да вари его с томатом
Сколько хочешь – это «жись»!

Наполнив водой корыта,
Мой продукты и – в рассол;
К бочке обруч, крышку – сбито!
Труд конвейером пошёл.

Мотористы снова в моде –
День и ночь машины стук.
А комбайн среди природы –
Как шантский чёрный жук.

«Я как с любящей кузиной,
С уважающей сестрой!» –
Скажет урка с доброй миной
Этой доброю порой.

Помидоров ярко-красных
Поднялся «девятый вал»,
И начальник на Савраске
В пыл работы прискакал.

Грянул песней визливой,
«Вспомогательный отряд»,
И для женщины, будто сливы
Вкусно вариться томат

С нами урки всю неделю
У капусты снежной гор
«Разводили карусели»
Под весёлый разговор,

Зашинкованный капустный
Полон ряд силосных ям.
Оурцы и рену с хрустом
Поедают по полям.

«Родила млада-девушка»
Под гармонику поют.
Рядом с женщиной мужчина,
Их родний горячий труд.

Разгорайся, труд прекрасный,
Омывай, горячий пот!
А начальник на Савраске,
Восхищай: «Вперед! Вперед!».

К ЗИМЕ

Вьётся в поле до упаду
Белых мух холодный рой.
Поторапливаться надо –
Ссылным ехать бы домой!

На крикливом совещанье
Много галок собралось –
Чтобы в зимнее изнанье
Полететь не наобось.

Их учебные полёты
Наблюдает ссыльный мир,
Отправляясь на работы –
Рядовой и бригадир.

Будто комья чернозёма,
Видны издали они.
Поле – род аэродрома
В эти таснувшие дни.

Как сигнал, одна взлетает,
И за нею – все зараз,
Будто тучей, чёрной стаей
Солнце тасится подчас.

Птицы мельче – посредине,
Сбоку – крупные самцы;
Маршал всех ведёт единый
Смело, друи-молодцы!

А повыше видны «бусы»,
«Треугольник» и «змея».
Муравьи кричат и цуси:
«До свидания, поля!»

Лука поздние остатки..
Сои много на полях...
«По-стахановски, ребятаки,
И – домой на всех порах!» –

Так зовёт ашит-бригада,
Воспитатель – вунисон!
Неужели в Ленинграду
Нам ютовитесь вагон?!

Шесть участников – весь
совхоз –
Урожай утёрли с бою!
«Ну довольно!» – И Мороз
Засыпает снегом сою...

Бригадир вошёл в азарт:
«Это – страшные утраты!
Нет, рабочий авангард,
Надевай теплее латы:

Сою надо всю убрать,
Не взирая на погоду...
Ну-ка, боевая рать!
Ну-ка, деды-воеводы –

В бой!» И армия калек
Забывает сон на шутки
(Если «старый добрый век»
Посмотрел на эти шутки!)

Небывалый сенокос!
В снег ушла рука по локоть,
Точно в волны белых роз.
У Мороза острый ноготь:

Расцарапан нос у многих,
В ранах кожа многих рук –
И бежим в барак с дорож,
Чтоб спастись от жгучих мук.

Наши ветхие одежды
Заморожены на нас...
Страх простуды... Нет надежды
На обещанный «приказ»...

Всякий след пропал от «визы»,
Был ли иде какой контакт?
Иль врачебной экспертизы
Потерялся результат??

ДОЧЕРИ ЗОЕ КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

В год войны над Войбокала
 Заостряла смерть косу,
 А весна за облаками
 Родко пела: «Жизнь несущ!»

После смерти сына Петти
 Мы скордели... Но февраль
 Дочкой Зоей нас приветил
 Успокоив ту печаль.

Пятилетняя сестрёнка
 С куклой – Петей на руках,
 Колыбель качнув тихонько,
 Затуманилась в мечтах.

Годы шли – эпохи, эры –
 Мало, много – двадцать два!
 Мило прошлое без меры,
 И для чувств узки слова...

А «отцы» сказали двое:
 «Незаметно, как сюрприз,
 На село явилась Зоя,
 То есть счастье, то есть жизнь!»

Так поднимаем же бокалы:
 Жизни – пламенный привет!
 За весну, за Войбокала,
 И за Зою – жизнь и свет!

ТРИ КИТАЙЦА

*Словно фарфор в золотистых тонах,
Трое китайцев на нарах.
Средний похож на старушку в штанах,
Два боковые – под пару.*

*Справа журчит допотопный язык,
Слева – фигура молчанья,
В центре – жестоко болеет старик:
Кашель, гриппа страданья!..*

*У Андерсена поёт соловей –
Там император при смерти;
Но и печали обычных людей
Меньшею мерой не мерьте!*

*Рядом Китай, но высокой стеной,
Связка его отделила...
Близок китайцам товарищ больной,
Как дорогая мошля.*

КОНЕЦ ЗИМЫ

*«Одна возлюбленная пара» –
Уже поют по вечерам.
А зайчик солнечный по нарам
Все веселее скачет к нам.*

*Со стёкол бельма ледяные
В слезах сияющих сошли
И в марте чувствую впервые
Несмелый поцелуй Земли.*

*Механизировав бондарку,
Дают проценты бондари,
А орден Ленина доярке
Повесили на грудь – смотри!*

*В бондарке бы учиться надо,
Иде вертится железный вал,
Как бы под грохот водопада!
Не лучше-ль всех он соблюдал*

*В работе вечной постоянство
Его приводные ремни?
Межпланетные пространства
За зимние покрывли дни!*

*Мы, как приводными ремнями,
В неволе связаны пока.
Но час пройдёт и путь нами
Откроет Божия Рука!*

КОНЕЦ ТРУДА

Кончился год трудовой
Скажем прошедшему: «Браво!»
Месяц, рождённый весной
Встань от совхоза направо!

Будущность всем молодым –
Телом цветущим, душою...
Всеотепляющий дым
Лёт от костра над землёю.

Зёрнам открыт чернозём...
Как в михорадке, машины...
Пульс угашённый во всем,
Радостней жизни картины.

Молота стучки и звон –
Это удит наковальня...
Или поёт небосклон –
Слышишь благовест дальний?..

Матвё сплели парникам.
Сделали много корзинок;
Прутья для них по часам
Рвал я, склоняясь, как инок.

К роще пойдёшь – и в снегу
Бродишь, двбалю, по пояс.
Тихо кругом – ни «чу-чу»...
И занебаешь, настрелась...

Солнце и яркий мороз.
Ветер – соломенный шорох
Высохших трав.. И совхоз
Видишь, взойдя на припорок.

Кладбище ссыльных . Доска
С номером вместо живого...
Как замлздишься – тоска
Без человека родного...

Сколько здесь этих моил!
В срок моего пребывания
Многих уж я проводил
И совершил отпевания...

Здесь Передельского прах
(имени нет на моиле);
Здесь, в этих диких краях,
Нош его проходим...

В лучшие те времена
Он путешествовал славно –
Сеял наук семена,
Как бы Апостолу равный...

Здесь лишь безличны они,
А при Восстании мёртвых
Лица покажут свои
Богу достойные жертвы!..

В снежной пустыне закат
Дал мне прощальные розы...
Если б уехать назад,
Взяв и друзей из совхоза?!..

Но, уезжая, Восток
Я не скажу: «До свиданья»!..
Впрочем, життёйский поток
Смоет и память страданья...

Блзкнут вечерние краски.
А фонарей перелив
На отдалённых участках
Необычайно красив...

Кончился год трудовой –
Трывает компания сева...
Месяц, рождённый весной,
Не становится налево!

ДОМОЙ

Подобно солнечным лучам
Стремлюсь я, пламенный с Востока...
Я отдавался этим дням,
Когда скитался одиноко!..

Я ждал, я звал – и сколько раз
Свободу таборонки пели!
Я думал «Завтра», «Через час?!»
Но был далёк от милой цели...

Тревожат разные мечты –
Не дни, ведь прожиты, а годы
Варюша! Сколько терпимы ты:
Болезни, горести, невзгоды...

Ты эту горечь, эту соль,
Мога-ль поведать откровенно?!
В противном случае «Контроль»
Всё б уничтожил непременно...

Всю боль мнений, ужас наш –
Не зачеркнёт, не уничтожит;
Нет – этих тяжестей багаж
Мы примем испытаньем Божьим!

Как выдаться из тех сетей
Догадок смутных и волнений?..
Какие мысли у детей?
Какие их предположения?

За эти годы быть могли
И униженья и напасти...
А, может быть, перенесли
Любовь, поруганное счастье?!..

Для всех не открывайте дверь!
Меня тревожит беспокойство
О них особенно теперь:
Их окруженья, неустройство,

Их молодость и красота...
Конечно, есть и кавалеры?
Но жизнь теперь совсем не та
Без воспитания и веры...

Их письма милы и бодры;
Моим они, как видно, рады.
Но в бытности такой поры –
Какие мнения и взгляды?!..

Где Ляля? Может быть у вас?
Или с семьёй у колыбели?
Нет, не напрасно столько раз
Свободу таборонки пели!

Муши, весёлый паровоз,
Сияй уж радостно огнями!
И – крылья лёгкие стрекоз –
Мосты, взлетайте над водами!

Их письма милы и бодры;
Моим они, как видно, рады.
Но в бытности такой поры –
Какие мнения и взгляды?!..

Где Ляля? Может быть у вас?
Или с семьёй у колыбели?
Нет, не напрасно столько раз
Свободу таборонки пели!

Муши, весёлый паровоз,
Сияй уж радостно огнями!
И – крылья лёгкие стрекоз –
Мосты, взлетайте над водами!

К ДЕТЯМ И ЖЕНЕ

Ночной пронзительный звонок...
Декабрьская злая стужа...
Три года – заключенья срок –
Изъял от вас отца и мужа.

Разлука наша – в первый раз,
Но это уж, ведь – не могла:
Она не разлучила нас,
Но крепче всех соединила!

Я ваши письма сохранил,
Как ценность самую большую
И как живой источник сил.
Сердечно вас благодарю я!

Окончен пребыванья срок,
И я опять – герой Жюль-Верна;
Путь отправления – Восток,
Стучат колеса равномерно...

Тревожусь больше за детей –
«Что за комиссия», наверно?..
Но сколько в жизни и сетей
И придорожных камней, терний...

Как будто, дальнорючим стал
Я в эти годы заточенья:
Сквозь мысли зрительный кристалл
Я вижу все в увеличенье.

Конечно, Зоя – молодец,
Да и «война рождает героя»;
Но беспокоюсь – как отец
И как отсутствующий – вдвое.

«Душою общества» была
Она в компании молодёжи
И остроумна и мила!
Но надо быть теперь построже...

У ней художественный дар
И выразительны кавычки
Но чтоб создать большой пожар
Достаточно бывает спички...

Веруня очень хороша,
Но и своеобразна очень;
По виду «заячья душа»,
А то и «плачущая осень»,

Имея детские годы,
Она мола словами, взглядом
Помочь и Зюньке всегда,
И очень ценна с нею рядом.

Их дружба крепка – нужна!..
Как весела тивая Зоя,
Так Вера тихая нежна;
В них одиный дух, хотя их – двое.

А в этом возрасте как-раз
Обычно мать необходима...
Молось с усердием за вас,
Чтоб беды пролетели мимо.

О вашей думаю судьбе,
Особенно в условиях этих...
Вся тяжесть, Варя, на Тебе –
Задота обо мне, о детях!..

В ПОЕЗДЕ

*Едет поезд – теперь уже не на Восток,
А на Запад стремительно – к дому...
Вот и кончился мой заключения срок!..
Окна – точно открытки альбома...*

*И как будто листая страницы, вперёд
Мчится поезд; а мысли – обратно...
...Лагерь ссыльных... и все собрались у ворот...
Как мне их оставлять неприятно!..*

*Получал документы. Начальник сказал
На прощание доброе слово;
Отмечал поведения выше похвал,
Трудолюбие – даже больное.*

*Все товарищи ссыльные вышли во двор,
Кроме самых больных и убогих...
Обступили стеною колючий забор...
Даже мне ... кланялись в ноги!..*

*Как бы вазу плетёную или бокал,
Подарил мне корзину китаец.
Он приветливо так головою кивал,
Выразительно мне улыбаясь.*

*А компания урок была в стороне,
Видел я их печальные лица;
Накануне они проходили ко мне,
И просили за них помолиться.*

Два епископа (те, что ходили мне вслед
На пропашке с корзинами в поле:
Я работал за них; в результате обед
Получили мы поровну трос) –

Дольше прочих стояли, молитву шепча
И торжественно благословляя:
Мне казалось – горит перед святыней свеча,
Как посильная жертва святая.

Я по глинистой почве скольжу, как ледья,
И отёчные ноги не нутятся...
Но хотелось ещё, навсегда уходя,
Поклониться, махнуть, улыдниться.

Спотыкаюсь и падаю... Снова назад
Олянусь, хоть уж ноги устали –
А собратья мои на коленях стоят,
Еле видные издали стали...

Я шагал уж теперь по свободной земле
Неуверенно, связанно как-то...
И отдельные думы светились во мне,
Озаряя и мысли, и факты.

Я уже на вокзале. Двухвальный душит.
Брюки рваные чуть за колено,
Язвы оленей всели о цыгане говорят,
О последствиях бывшего плена.

И в толпе нарочито толкали меня;
Даже в кассе, билет не давали...
Безбилетный, голодный, провёл я три дня
И пришлось ночевать на вокзале...

Едет поезд с Востока... Колеса стучат,
 Стихотворный размер отбивая...
 Здесь, в купе, две приятные дамы сидят,
 Осторожно за мной наблюдая.

Вышел я на площадку; с собою тетрадь
 Взял и спрятал в кармане бушлата –
 И нахлынули разные мысли опять,
 Разливаясь туда и обратно.

Возвращаюсь в купе с багажом новых дум,
 И – как будто, картина экрана:
 Падают мне приветливо дамы костюм,
 Извлекая из недр чемодана!..

Присмотревшись ко мне, они поняли суть:
 Кто такой я и еду откуда...
 Может быть, посетил бы другой кто-нибудь
 Этот факт за явление чужда?!

***

 КОНЕЦ.

ЕСТЬ «ЛЮДИ-КРЕСТЫ»...

Историческое послесловие

XX век в истории России невольно поделён «до 1917 и после 1991 года». Это век жизни четырёх поколений, из которых первое предреволюционное поколение стало очень скоро всего лишь осколком бывшей империи, «лишними людьми» в полько что родившейся молодой стране. Владимир Шамонин относился к этому первому поколению свидетелей гибели империи и рождения Советского Союза.

В истории Церкви начало XX века характеризуется очень необычным явлением – в Санкт-Петербурге с 1901 по 1903 годы состоялись религиозно-философские собрания. На собраниях председательствовал ректор Санкт-Петербургской Духовной академии епископ Сергей (Страгородский) – будущий патриарх. Здесь обсуждались судьбоносные проблемы, связанные с судьбой России и Церкви. Говорили не только о будущем и прошлом человечества в целом и российского народа в частности, но и запрагивали самые существенные вопросы, связанные со смыслом жизни, семейными ценностями и свободой совести. В этих спорах интеллигенция – Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Филосов, В.В. Розанов, В.С. Миролубов, А.Н. Бенуа, В.А. Тернавцев и другие – начали свои поиски Бога без Церкви, а в Церкви формируется стойкое убеждение в необходимости Поместного собора, который не созывался 200 лет. Именно в этой обстановке Владимир Шамонин принимает судьбоносное решение, непопулярное в той среде, в которой он находился – сменить военное училище на Духовную академию.

В академии Владимир Шамонин становится одним из любимых учеников Антония (Вадковского) – бывшего ректора и первенствующего митрополита Санкт-Петербургского. Кружок студентов митрополита Антония (Вадковского) занимался диаконией или социальным служением Церкви. Студенты участвовали в религиозно-просветительских беседах в приходах во внебогослужбное время, в пьюрьмах и ночлежках, на фабриках и заводах.

После окончания Духовной академии перед Владимиром Шамониным открывались блестящие карьерные перспективы, однако он выбирает судьбу скромного приходского священника в селе Саря (в настоящее время Шум) Шумской волости Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии. К приходу примыкало несколько близлежащих деревень. Прихожан в сельском приходе было до 2000 человек. Кроме обычной службы в храме священник читал проповеди, вёл капехизическую учебу, проводил внебогослужбное собеседование на религиозно-нравственные, исторические и другие темы, участвовал в организации обществ трезвости,

занимался благотворительной деятельностью. Обычно священник являлся законоучителем в церковных школах, причем его работа в ней не оплачивалась. Каждая церковь имела библиотеку, в некоторых насчитывалось до 1 000 книг. В эпих «народных» библиотеках активно занимались распространением книг в селе. Владимир Шамонин преподавал в министерской школе Закон Божий и был директором церковной школы. 4 мая 1907 г. во II Государственной Думе обсуждался вопрос о «всеобщем обучении» (речь идет о всеобщем начальном образовании) в России. На этом заседании министр народного просвещения говорил о том, что для достижения «общедоступности обучения» потребуется 250 000 школ (вне школ было 7 300 000 детей), тогда как в России насчитывалось 90 000 школ (с 5 389 000 учащимися). Каков же в связи с этим был удельный вес церковных школ? По подсчетам автора, в 1906 г. количество церковных школ составляло 46,2% (их было 41 660), а количество учащихся в них 37,4% (или 2 020 208 детей).

В 1914 г. Владимир Шамонин стал служить вторым священником в Санкт-Петербурге в Феодоровском храме подворья Феодоровского Городецкого мужского монастыря Нижегородской епархии. О древности этой обители говорит тот факт, что в XIII веке здесь почил святой благоверный великий князь Александр Невский. Закладка нового Феодоровского храма состоялась 5 августа 1911 года, а освящение нижнего храма совершилось 7 сентября 1913 года. В годы первой мировой войны храм достраивался, но одним из главных направлений деятельности подворья, как и многих других монастырей и приходов стала помощь действующей русской армии.

Священный Синод постановил обнародовать манифест о войне во всех церквях, при этом совершив молебствие с коленапреклонением «О ниспослании победы христоролюбивому воинству». Установили особые ежедневные молитвы за богослужением: за Государя, сражающее воинство и о раненых воинах. Всех призывали забыть «взаимные несогласия, распри и обиды». В церквях организовали постоянный кружечный сбор за каждым богослужением. Монастырям, общинам, всем духовным учреждениям предлагалось отвести и приготовить под лазареты для раненых и больных воинов все свободные помещения, заготовливать «предметы лазаретного инвентаря».

Епархиальным преосвященным поручалось образовывать во всех приходах особые попечительные советы из выборных прихожан с участием духовенства и церковных старост. «На попечительные советы возложена обязанность: вести списки семей, члены коих призваны в ряды армии, выяснять их имущественное положение и оказывать им пособие до тех пор, пока в этом будет надобность». Для этой цели Священный Синод разрешил «оказывать пособие» не только из пожертвований, но и из церковных сумм.

В 1914 г. только от духовенства поступило пожертвований на сумму 137 300 рублей. В этот же год образовалось 36 118 попечительских советов, которые оказали помощь свыше 1 200 000 семьям на сумму 1 563 724 рублей, а к августу 1915 г. (за год войны) – 2 146 242 семьям на сумму 6 358 570 рублей.

В 1914 г. духовное ведомство открыло 374 лазарета, из них 152 монастырских и 222 при церквях и епархиальных учреждениях. Всего в монастырских, церковных и других помещениях духовного ведомства, не считая духовно-учебных заведений и церковных школ, открыли 679 лазаретов.

В 1918 г. Феодоровский храм стал приходским. Начинается претворение в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Отделение церкви от государства сопровождалось процессом национализации и утилизации церковного имущества. Осенью 1920 г. были подведены первые итоги национализации. В России было национализировано 827 540 десятин монастырской земли, 84 завода, 704 гостиницы и подворья, 1112 доходных домов, 277 больниц и приютов, 436 молочных ферм, 602 скотных двора. К этому времени у церкви было изъято 7 150 000 000 рублей без учета изъятого на Украине, Кавказе и в Сибири. Церковную недвижимость собирались использовать «для общественных целей», на языке документов тех лет это называлось утилизацией. В первую очередь утилизировали духовно-учебные заведения, домовые церкви и монастыри. Спасая домовую Николо-Александровскую церковь её переводят в приходскую, где в 1921 г. новым настоятелем становится Владимир Шамонин.

В январе 1929 г. принимается секретное постановление Политбюро «О мерах по усилению антирелигиозной работы», в котором главный призыв заключался в следующем: «Несмотря на оживление деятельности религиозных организаций и продолжающиеся их попытки приспособиться к изменившимся социальным условиям, ЦК констатирует, что в СССР происходит процесс оживления религиозности...» С этой целью с 1929 году началась первая «пятилетка безбожия», объявленная «Союзом безбожников». Важность борьбы с религией неоднократно подчеркивалось партийным и советским руководством. Н. И. Бухарин, выступая в 1929 году на II съезде Союза воинствующих безбожников, говорил, что «антирелигиозный фронт кричаще ясно виден как фронт классовой борьбы». На газетных полосах крупным шрифтом набирались лозунги: «Кулак и поп – наши враги!» Врага надо бить на всех участках классовой борьбы, вырывая из его рук возможности использовать темноту и невежество в отсталых массах трудящихся против социалистического строительства». С конца 20-х годов церкви в массовом порядке закрываются. Всего по стране к 1933 г. закрыли 15 988 церквей.

В 20–30-е годы XX в. меняется в целом как религиозная ситуация, так и взаимоотношения российского общества, состоящее из верующих и государства, в основе идеологии которого спал атеизм. С одной стороны, изменился не только нормативно-правовой статус религиозных организаций, но и условия, в которых протекала их деятельность. С другой стороны, этот период характеризуется национализацией и утилизацией богослужебных зданий, а репрессии по отношению к служителям культа становятся обычной практикой, меняются только масштабы и формы (создание невыносимых условий для деятельности, административные наказания и, наконец, высылка, срок в лагере или расстрел).

В 1933 г. Владимир Шамонин был арестован и освобожден только в 1936 г. 5 декабря 1936 г. была принята новая Конституция СССР. Новый избирательный закон провозглашал выборы «на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании». Выборы объявлялись всеобщими.

Выборы по новой Конституции должны были состояться в декабре 1937 г., и на этих выборах впервые священнослужители получили активное и пассивное избирательные права. В связи с этим в газете «Правда» И.В. Сталин писал, что «народ не пропустит враждебных людей в свои верховные органы...». Накануне всеобщих, равных, прямых и тайных выборов была проведена зачистка избирателей и потенциальных депутатов. 30 июля 1937 г. вышел оперативный приказ наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Согласно этому приказу, репрессиям подлежали в том числе: «Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих...» Последствия репрессий по отношению к Русской Православной Церкви были для нее катастрофические. В 1938 г. в СССР не существовало ни одного монастыря, а количество православных приходов, по оценкам разных исследователей, колебалось от 150 до 400. 7 октября 1938 г. Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о Центральном и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов. Это означало уничтожение самой возможности контакта Церкви и государства. С 1938 г. единственной организационной структурой, занимавшейся религиозной политикой, оставался специальный церковный отдел в НКВД.

Несмотря на прошедшие массовые гонения, в годы Великой Отечественной войны верующие и духовенство старались всеми силами помочь фронту. Реакция религиозных организаций на войну фашистской Германии с Советским Союзом оказалось неожиданной как для нападавшей стороны, так и для тех стран, которые впоследствии стали участниками антигитлеровской коалиции. Многие за

рubeжом ожидали, что верующие и духовенство не смогут простить те гонения, которые обрушились на них в годы Советской власти. В первый же день войны патриарший местоблюститель митрополит Сергей обратился к «пастьрям и пасомым Христовой Православной Церкви» с посланием, в котором писал: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. <...> Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины. <...> Господь нам дарует победу». Это послание было разослано и зачитано во всех православных храмах. Всего таких посланий митрополит Сергей выпустил во время войны 23. Другой митрополит Ленинградский Алексей, будущий патриарх, в это же время также обращался к солдатам и офицерам: «Война — священное дело для тех, кто предпринимает её по необходимости, в защиту правды, Отечества. <...> Церковь неумолчно зовёт к защите матери-Родины».

Подсчитано, что в масштабах всей нашей страны добровольная финансовая помощь позволила дополнительно направить на фронт 2 565 самолетов, несколько тысяч танков и другой военной техники. Поступление денежных средств от населения в Фонд обороны, Красной армии и другие фонды, по займам и лотереям составили свыше 100 млрд рублей. Из них сумма взносов от православной церкви и верующих составила 150 млн рублей.

Сложившаяся историческая ситуация вызвала необходимость менять существовавшие взаимоотношения государства с религиозными организациями. Сотни епископов и тысячи священников были выпущены из лагерей. В ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. состоялась историческая встреча И.В. Сталина с церковным руководством. Сразу же после этой встречи 8 сентября 1943 г. прошел Архиерейский собор в Москве. Уже в 1941 г. перестали издавать антирелигиозные журналы, цензуре подверглись антирелигиозные издания. Так, среди рекомендованной ЦК ВКП (б) отделам партийной пропаганды и агитации обкомов тематики докладов и бесед на весну 1942 г. антирелигиозная проблематика была полностью исключена, зато среди тем были, например, следующие «Немецкие фашисты — злейшие враги и разрушители европейской культуры» или «Благородные и возвышенные цели Отечественной войны».

С 1945 по 1961 гг. Владимир Шамонин стал служить священником в Шувалово в Спасо-Парголовском храме, который с 1954 г. вошёл в городскую черту Ленинграда (Санкт-Петербурга).

Начиная с конца октября 1948 г. по март 1953 г. Совет министров СССР не принял ни одного ходатайства по открытию новых храмов. Более того,

возобновляется старая практика утилизации церковных зданий под клубы и другие советские учреждения. Однако после смерти И.В. Сталина резко увеличилось число ходатайств верующих об открытии церквей: в 1953 г. их было подано 990 и большая их часть приходилось на второе полугодие, а в 1954 году – 1361.

7 июля 1954 г. выходит постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». В постановлении отмечалось, что с одной стороны: «Среди некоторых партийных и советских работников утвердилось ошибочное мнение, что с ликвидацией в нашей стране классовой базы церкви и пресечением её контрреволюционной деятельности оппала необходимость в активной атеистической пропаганде, что в ходе коммунистического строительства религиозная идеология стихийно, самотеком изживет себя», а с другой стороны «Церковники и сектанты изыскивают различные приёмы для отправления сознания людей религиозным дурманом, обращая особое внимание на привлечение к церкви молодёжи и женщин. <...> В результате активизации деятельности церкви наблюдается увеличение количества граждан, соблюдающих религиозные праздники и отправляющих религиозные обряды, оживляется паломничество к так называемым “святым местам”».

В постановляющей части подчеркивалось, что надо «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии, разоблачать реакционную сущность религии и тот вред, который она приносит, отвлекая часть граждан нашей страны от сознательного и активного участия в коммунистическом строительстве», и были даны соответствующие распоряжения ЦК компартия, крайкомам и обкомам КПСС, отделу пропаганды и агитации ЦК КПСС, министерству культуры СССР и союзных республик, Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний, Государственному издательству политической литературы, издательству Академии наук, издательству иностранной литературы, Гослитиздату, редакциям центральных и местных газет и журналов, министерствам просвещения и высшего образования, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС.

Как результат – в эфире и со страниц средств массовой информации Советского Союза началась настоящая травля верующих и священнослужителей. Осуждалось безразличие со стороны руководителей, что есть практика отмечать религиозные и «несоветские» праздники и дни, бичевались «пороки» верующих и священнослужителей, инициировалось общественное порицание религиозных предрассудков и т.д.

10 ноября 1954 года было принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», которое опубликовали в газете «Правда». В постановлении резко осудили ревностный

подход к антирелигиозной пропаганде. В постановлении подчёркивалось, что «в царской России церковь верно служила самодержавию, помещикам и капиталистам, оправдывала жестокую эксплуатацию народных масс, поддерживала эксплуататоров в борьбе против трудящихся. <...> ...после победы Октябрьской социалистической революции, в годы гражданской войны и позже многие религиозные организации, группы духовенства держали себя враждебно по отношению к Советской власти». Однако всё изменилось и в настоящее время «в результате победы социализма и ликвидации эксплуататорских классов в СССР подорваны социальные корни религии, уничтожена база, на которую опиралась церковь. Служители церкви в своём большинстве, как свидетельствуют факты, также занимают теперь лояльные позиции по отношению к Советской власти. Поэтому борьба против религиозных предрассудков в настоящее время должна рассматриваться как идеологическая борьба научного, материалистического мировоззрения против антинаучного, религиозного мировоззрения».

Главной задачей, которую поставили перед партийными, государственными и общественными организациями в воспитательной работе, направленной на преодоление религиозных пережитков – «улучшить культурно-просветительную работу среди населения и тем самым добиться дальнейшего повышения культурного уровня трудящихся».

Уже на следующий день – 11 ноября 1954 года, на заседании Священного Синода по инициативе патриарха Алексия было принято «Постановление патриарха и Синода» в адрес правительства, в котором говорилось: «Священный Синод Русской Православной Церкви с удовлетворением ознакомившись с постановлением ЦК КПСС от 10 ноября, в котором даются указания о должном отношении к духовенству и религиозным чувствам верующих, считаю своим долгом просить председателя Совета выразить признательность нашему правительству за его неизменное благожелательное отношение к Православной Церкви...» В воскресенье 14 ноября 1954 года храмы Москвы и Ленинграда были переполнены: духовенство объявляло пастве о принятом ЦК партии постановлении.

Началось освобождение священнослужителей ранее репрессированных по 58 статье УК РСФСР. 14 июля 1954 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР об условно-досрочном освобождении отсидевших две трети срока и престарелых заключённых. В соответствии с этим указом с 1955 года были освобождены епископы Вениамин (Новицкий), Мануил (Лемешевский), Афанасий (Сахаров), Николай (Муравьёв-Уральский), а также митрополит Нестор (Анисимов) и другие. В 1956 году 293 освобождённых из лагерей священнослужителя вновь стали служить в храмах.

Впервые за всю советскую историю Православной Церкви разрешили напечатать Библию, Евангелие и в 1956 г. они вышли тиражом 50 тыс. экз. «Журнал Московской Патриархии» имел тираж 15 тыс. экз. Выпускалось 50 тыс. настенных и настольных календарей. Печаталось около 1 млн венчиков и разрешительных молитв для умерших. 1 января 1957 г. количество зарегистрированных православных храмов в СССР выросло до 13 478, а численность духовенства достигла 12 288 человек. В РСФСР примерно треть всех родившихся младенцев крестились, а большинство умерших отпевали.

Однако 4 октября 1958 года ЦК КПСС принял секретное постановление «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В этом постановлении задачи в области научно-атеистической пропаганды повпоряли формулировки постановления ЦК от 7 июля 1954 г. Всё, что было достигнуто по нормализации государственно-конфессиональных отношений, объявлялось «деформацией церковной политики социалистического государства» и «неправильной тактической линией», приведшей к укреплению религии и церкви. Весь прежний курс в «религиозном вопросе» обличался как проявление сталинизма.

Борьба со «сталинизмом в религиозном вопросе» началась с традиционного направления – закрытия церквей, монастырей, а также с ограничения религиозной деятельности. 16 октября 1958 года было принято постановление – «О монастырях в СССР». Постановлением поручалось Совету по делам Русской Православной Церкви и Совету по делам религиозных культов – в шестимесячный срок изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скипов и внести в Совет министров согласованные предложения по этому вопросу. Был утверждён план закрытия в 1959–1960 гг. 28 из 63 монастырей и скипов Русской церкви, в том числе 7 – в Молдавии и 17 – на Украине. В середине 1960-х годов РПЦ имела в СССР 18 действующих монастырей (на 1 января 1959 г. – 63, на 1 января 1960 – 44). В 1959 г. власти сняли с регистрации 364 православные общины, а в 1960 г. – 1398. За 1960–1964 гг. количество церквей и молитвенных домов уменьшилось на 5457.

Эти «новые гонения» обрушились в том числе и на протоиерея Владимира Шамонина. История Русской православной церкви XX века так или иначе связана с жизнью и судьбой великого подвижника, стойко перенёсшего все её изломы и повороты и сохранившего веру несмотря на вызов, такой непростой эпохи.

*Михаил Геннадьевич Нечаев,
кандидат исторических наук, доцент,
главный научный сотрудник музея-заповедника «Пермь-36»*

ЛИЛИСЬ ТВОИ МОЛИТВЫ К СВЕТУ, ЗА МИР, ЗА НАС, ЗА ВСЕХ И ВСЁ...

(о протоиерее Валентине Другове)

Нам трудно представить меру подвига как протоиерея Владимира Шамонина, открывшего миру нереальную сложность бытия в Дальяге, так и прочность возможностей души человека, несущего испытания во Боге и ради Бога. Стихи отца Владимира – единственный прямой репортаж из эпицентра гонений, каким был Дальлаг.

Не меньший подвиг совершил его ученик – те времена хранить в доме такой репортаж, в лучшем случае, могло привести к большому сроку тюремного заключения.

Наш долг познакомить Вас, дорогой читатель, с личностью, сохранившей высокое поэтическое наследие о. Владимира Шамонина...

Протоиерей Валентин Степанович Другов родился 13 апреля 1926 г. в деревне Грибаны Опачевского сельсовета Ординского района Кунгурского округа Уральской области.

Отец его был военнотружущим, а дед, Другов Василий Семёнович, – старотрой храма в селе Опачевка, где Валентина и крестили. Около 1930 года, опасаясь раскулачивания, Василий Семёнович был вынужден отдать свой дом и хозяйствоту колхозу за мешок зерна и переехать в село Орда, а чуть позднее в Кунгур.

6 июня 1943 г., в возрасте 17 лет, Валентин Степанович Другов был призван в Красную армию. Предфронтотвую подготовку проходил в Тобольске, после чего был отправлен на Украину в Сумскую область, под г. Ромны, где с июня по август 1944 г. обучался в учебном центре 5-го автомобильного полка. С сентября 1944 г. по февраль 1945 г. служил шофёром и участвовал в боевых действиях на территории Латвии, во взводе тяжелотй артиллерии 93-й артиллерийской бригады. По окончании войны, будучи награждён орденом Отчесттвенной войны II степени, был переведён в Псковскую область, а зимой 1946 г. – в Ленинград.

С марта 1947 г. по март 1950 г. служил в г. Пушкине в войсковой части № 047. Бывая в Ленинграде, Валентин посещал храм при Духовной академии и церковь Спаса Нерукотворного – в Парголове, где познакомился с известным ленинградским священником Владимиром Шамониным, который стал его духовным наставником и оставался им до своего рождения в Вечность. Какого же Пастыря Доброго отмолил, подарил Пермскому краю дивный ленинградский подвижник

Благочестия! Среди чад протоиерея Владимира Шамонина батюшка Валентин один из многих. Среди прочих в сердцах пермяков жива память об известном в православном мире архимандрите Таврионе Батозском. В архиве Валентина Другова сохранилась машинописная рукопись воспоминаний архимандрита Тавриона, отпечатанная на машинке в Перми в ноябре 1940 года. На титульной странице, надпись: «Эти печатные листки были переданы о. Таврионом Зое Владимировне (Шамониной). Он бывал у них в доме... Был духовным чадом о. Владимира».

В книжку так же помещено стихотворение Веры Владимировны Шамониной о смерть настоятеля Спасо-Преображенской пустыни:

*Очи закрылись, уста замолчали –
Молитвенник светлый у нас...
Слёзно тоскуем в глубокой печали...
Он будет молиться о нас...*

*День трудовой начинался с зарею...
Он прожил всю жизнь для других:
Много молился, и чистой душою
Явился в селенье Святых...*

*Он – этот светоч земли православной
Был вражею силой юным;
Был оклеветан молвою бесславной,
Но Богом всеильным храним!*

Нельзя считать случайностью, что наследие этих подвижников сохранилось именно в Кунгуре. Промыслительно они связаны между собой, в том числе и нашей землёю, горячей братской молитвой к Богу.

По настоянию кунгурского духовенства Валентин Другов решил принять священный сан: 21 ноября 1954 г., в Михайлов день, в Свято-Троицком кафедральном соборе города Молотова (Перми) Валентин был рукоположен во диакона архиепископом Молотовским и Соликамским Иоанном (Лавриненко) и назначен в Свято-Алексеевскую церковь села Ётва Кудымкарского района. Священником в этом храме служил игумен Иоанникий (Лихачев), с которым Валентин был дружен ещё по Кунтуру, где отец Иоанникий проживал, вернувшись из заключения.

В праздник Сретения Господня 15 февраля 1955 г. молодой дьякон был рукоположен во иерея и назначен настоятелем Вознесенской церкви села Васильевское

Ильинского района. В округе проживало много старообрядцев, в храм они не ходили, поэтому приход был небольшой. В воскресные и праздничные дни батюшка совершал богослужения, а в будни работал столяром, изготавливая оконные рамы для всех жителей села. На этом приходе о. Валентин прослужил почти 24 года, удостоен ряда церковных наград.

8 сентября 1978 г. указом архиепископа Пермского и Соликамского Николая переведён настоятелем в Свято-Алексеевскую церковь села Ётва Кудымкарского района Пермской области, где прослужил следующие 17 лет. Не зная коми-пермяцкого языка, о. Валентин слышал своих прихожан на исповеди сердцем, и качество это пронёс через все долгие 58 лет священнического служения в полном соответствии со своей фамилией Другов, пронизывая любовью всех без исключения своим светлым взглядом и потрясающей радостью, которая не иссякала ни от какой нагрузки. При этом на требы порою приходилось идти пешком по 40 километров в одну сторону...

Приход Свято-Духовской церкви села Заспалово Кунгурского района стал для отца Валентина и мапушки Антонины последним и самым дорогим местом их служения, куда на литургию к батюшке слеталось бесчисленное множество именитых гостей из столицы края, разумеется, помолились – в первую очередь. Но ведь спросит кто-нибудь: «И в городе можно это сделать? Зачем сюда?» То-то и оно, отец Валентин как никто из молодых знал службу, всё её по полному чину, как и должно верноподанному Вышнему отдавался таинству действия, погружался под покров давно минувших событий, сопутствующих воле и делу Господа нашего Иисуса Христа на земле, как будто сам был свидетелем Евангельских событий в ожидании Чуда Воскресения.

Вот он, старец восьмидесятипятилетний, идёт бодро, светлый взгляд, заходит и всё освещается солнечным светом, как будто он не служил литургию, не исповедовал немалое число чад, не шёл пешком долгий путь до дома. Его дух всех бодрит, его свет преобразовывал жизнь пасомых...

На юбилей папе

О пастырь честный и правдивый
 Былми годами ты знаешь счёт,
 Где всяких былей и небyleй
 Вершились дней круговорот.
 На Пасху в светлые одежды ты облачался.
 Весел лик, спокоен, радостью надежды
 Светился весь ты в этот миг.
 И колокола ул надатный
 Сквозь окна в церковь проникал,
 Когда Рождественской обедней
 Евангелие ты читал.
 В лучах косых кадила дыма,
 Я видел, как ты шёл, паря,
 Ты был похож на херувима,
 Всех нас в Трудящее, маня.
 ...И в час разлуки и печали,
 И в час, когда всем хорошо,
 Всегда, полночными часами,
 Пред Образами, юрзчо
 Лились твои молитвы к Свету,
 За мир, за нас, за всех и всё...

Александр Валентинович Другов

Скончался протоиерей Валентин Степанович Другов 28 октября 2012 г. на 87-м году жизни. О своей вере батюшка говорил так: «Добровольно надо прийпти к Богу, чпоб не принуждённо... Работу, которая тебе нравится, ты делаешь хорошо, радостно делаешь... Так же и к Богу надо в такой же радости идпти...»

Вечная память доброму пастырю протоиерею Валентину Другову!

Иеромонах Андрей Бартов (Санкт-Петербург),
Татьяна Лысковцева

Поэзия и поэтика отца Владимира

О жизни о. Владимира Шамонина известно доста­точно много. В первую очередь благодаря разнообразию и количеству источников. Есть его собственные яркие воспоминания, небесталанно и трепетно записанные дочерью Зоей Владимировной Шамониной (1914–1985). (Она, врач по специальности, большую часть своей жизни она посвятила отцу и матери, как и сестра Вера). Они вышли отдельной книгой уже двумя изданиями. Там же опубликованы и несколько писем и краткие поучения батюшки. Есть официальные документы, обнаруженные в архиве. Живы ещё свидетели и очевидцы пастырского служения батюшки.

Но самым ценным и важным источником нужно назвать автобиографические стихи о. Владимира... Личность есть величайшая загадка и тайна. Проникнуть в тайну чужой личности очень сложно, чаще всего – просто невозможно (иногда же усилия не стоят результата). Но наиболее отчётливо личность раскрывается в творчестве. Творчество – это желание «делиться собой». Творческая личность по собственной воле раскрывает себя, свои переживания и ощущения, делится ими с другими. Поэзия (если это настоящая поэзия, а не графоманство) – как одна из форм творчества – это всегда «слепок» души автора, его самое сокровенное, то, что необходимо поведать другим, то, что «переливается через край себя».

В автобиографической поэзии эмоции, «я» автора проявляется с двойной силой. Мы вступаем с повествователем, с поэтом в глубоколичное, хотя и одностороннее общение. Но мы видим не только размышления автора. Мы видим события его жизни его глазами. Нам передаются его впечатления от этих событий, мы видим то, как менялась его душа, соприкасаясь с ними. Именно поэтому каждый, кто интересуется биографией о. Владимира, его жизнью, не должен и не может пройти мимо его стихов, это безмерно восполняет соприкосновение с его личностью, а такая возможность – столь «плотное» соприкосновение с личностью святого – представляется нечасто. Факты из жизни – это только факты, это – внешнее, а здесь мы видим, чувствуем, ощущаем, узнаём человека в его переживаниях, его характере, в его тонких особенностях, даже «говоре» и привычных ему интонациях, нашедших своё отражение в стихах.

Здесь ещё важно, что вступление в это «песное общение» имеет глубокий смысл. Потому что — автор этих строк бесспорно в это верит — мы встречаемся с праведностью. Мы близко узнаём человека, сохранившего в условиях тяжёлого интеллектуального, пошлительного, физического даже (в заключении) прессинга свою попираемую и поносимую веру. Но он смог её не только сохранить, утаив в глубинах души, скрыв от глумления, но даже и наоборот — в этих условиях нести её свет людям, открыто исповедовать и защищать — не словами, а делами и образом жизни своей.

Так что любой, кто заинтересовался личностью о. Владимира, кто хочет не просто знать о нём, но попытаться понять его — не может пройти мимо его поэзии. Тут ещё важно заметить, что стихи его не натужно-критические, поучительные, морализаторские. Нет в них лицемерия, святошества, а с другой стороны — часто характерного для поэзии Серебряного века жеманства и деланной утончённости. Но они не лишены иронии. Ирония у о. Владимира — это всегда, в первую очередь, тонкая ирония по отношению к себе. Стихи батюшки «простоваты» и искренни. Они — документальны. Их поучительность заключается в том, что написаны они подвижником и, применим архаичный термин — «образцом благочестия», в прямом смысле этого слова. Но не для того, чтобы поучать, а чтобы запечатлеть то, что дорого ему самому. Ценно то, что автор не относится к своим стихам как к высокому творчеству...

Отец Владимир Шамонин благочестив тем, что смог сохранить стойкость в вере, что он никого не предал и не сдал на допросах, что он никого не осуждал в условиях гнетущей действительности всеобщего доносительства и предательства, что он не только сохранил себя в лагерных условиях, но и укреплял надежду в окружающих. То есть он «сохранил свою честь во благе» и «во благо» — себе и окружающим». И его стихи, и живо воспроизведённые воспоминания, записанные дочерью Зоей, помогают понять, как он «стал таким», как события его депской, отроческой, юношеской жизни сформировали его личность, его силу духа, его святость...

Удивительно интересны и «родовые», «генеалогические» особенности поэтического и вообще творческого начала в личности о. Владимира. Оно ярко проявилось по линии его матери, Ольги Васильевны, урожденной Сокольской (1853–1925). Сама она, по поэтическому выражению о. Владимира:

*Как художник, идеально
Украшала жизни фон.
При таланте музыкальном
Сердце мамы – камертон.*

Её отец, Василий Герасимович Сокольский был, выражаясь современным языком, артистом императорского балета. Замечательную характеристику его личности мы также найдём в стихах о. Владимира:

*Мамин папа – тонкий, шибкий,
С лёгкостью крылатых ног,
С чутким сердцем, точно скрипка,
Был балетный педагог.
Императорским балетом
Он прославлен как артист,
Но разврата в мире этом
Не коснулся, сердцем – чист.*

Балет – это, как известно, поэзия движения, а поэзия – в числе всего остального – и «панец слова». Но, что ещё удивительней, прадед о. Владимира Шамонина по материнской линии – Герасим Васильевич Сокольский (1793–1819), очень рано умерший от чахотки, даже не смотря на свою краткую жизнь, также сохранил о себе память как о поэте (печатался в нескольких журналах). Но он был не просто поэтом, он пытался понять саму суть поэзии. В небольшую библиографию трудов Сокольского входят: учебник для «начинающих упражняться в поэзии детей» «Правила стихотворства, почёрпнутые из теории Ешенбурга» (1816 г.); статья «Нечто о цели поэзии» (1819), опубликованная в виде статьи «Речь о пользе правил словесности» (1816), произнесённая при вступлении в Общество любителей русской словесности при Московском Университете.

И вот перед нами предстаёт поразительный факт передачи по наследству поэтического дара. От прадеда к правнуку и к дочери этого правнука. Известны замечательные биографические, очень ценные именно этим стихи Веры Владимировны Шамониной (1916–1991) о жизни и «характерах» ленинградского духовенства 1960-х – 70-х гг. и её замечательные стихи на православные праздники, ходившие в списках среди «церковных бабушек» на излёте эпохи советского богоборчества...

О. Владимир Шамонин не только не порицал и не стыдился творческого начала своих предков. Искусство танца (как мы уже видели) и поэтическая

«магия слова» не представлялись ему чем-то предосудительным. О Герасиме Сокольском он пишет:

*А прапрадед в высшей мере
Был эстетик и поэт,
Он, молясь в глубокой вере,
Видел рая чудный свет.*

Творческое начало материнской линии о. Владимира гармонично исходило из духовного: отцом Герасима Сокольского (прапрадедом по матери нашего бапюшки) был провинциальный сельский священник Борисоглебского погоста округа г. Владимира о. Василий Сокольский. И Герасим Сокольский не вырвался из этой среды, скорее он воспринимал некую необходимость, о которой нам подробно ничего не известно, заставившую его уехать из родного погоста, как отрыв от дорогого отчего дома. Лучшие его стихи, как отмечают литературоведы, проникнуты тоской по родине и скорбью о жизни на чужбине...

Но личность о. Владимира не была гиперпрофигированно творчески утончённой. Она сформировалась двумя сильными, диалектическими началами. По материнской линии – творческим, восходящим к духовному – воздушным, чутким к незримому. По отцовской линии (ещё и потому, что верность этой линии побудила отдать Володю на военную учёбу) Владимир Шамонин унаследовал твёрдость духа, умение выстоять перед испытаниями, готовность переносить их до самого конца и упорство в достижении цели, не говоря о физической выносливости и силе. Парадоксально, что именно упорство в достижении цели помогло Владимиру Шамонину оставить военную карьеру весьма хитрым способом (исходя из воспоминаний, записанных в конце его жизни).

Отец Владимира Шамонина был военным, полковником в отставке.

*В помощь родственным боларам
Добровольно вышел в бой
И в бою турецком яром
Отлился как герой.
Богатырь не только видом
И герой не на словах,
После боя инвалидом
Он вернулся в орденах.*

Отец обладал несколько суровым характером:

*Папа. Резкий, грубоватый,
С нами был порой неправ.
Мама нежно, как бы ватой,
Умягчала папин нрав.*

Сейчас уже известно, что именно дед о. Владимира, Парфен Шамонин, дослужившись из нижнего звания до штабс-капитанства, получил потомственное дворянство за воинские заслуги. Поскольку это произошло после рождения сына – пришлось подтверждать дворянское достоинство для Александра Шамонина – отца нашего батюшки – отдельно. Поэтому – дворянская упончённость, благородство, которое так бросалось в глаза (по контрасту) окружающим в батюшке уже в советское время – появилось в роду Шамониных, в наибольшей степени, начиная, наверное, именно с него. Отца его окружающие «собратья по сословию» считали «простоватым».

*А в столице смотрят косо,
Что полковник отставной
На верх конки с папирсой,
Как рабочий сел простой.
Что открыто, без опаски,
Несмотря на знатный род,
Он, христосуясь на Пасхе,
Однимал простой народ.*

Впрочем, при всём благородстве натуры о. Владимира Шамонина, его родственники часто поругивали, что он ещё юношей, слишком запанибратски общался с представителями, с их точки зрения, низшего сословия, а позже наш подвижник и вовсе пренебрег дворянством, «опустившись» до принятия священства, что, несмотря на исключения, всегда считалось у дворян «несколько моветоном»...

Таким образом, круг замыкается, и мы видим в предках отца Владимира то, что сложилось в замечательное гармоничное единство двух начал в его характере – духовного с одной стороны: блага, блаженства, гармонии, возвышенности, к которым так стремится творчество, и благородства и силы духа, хранения чести – даже перед лицом жизненной опасности –

пак, как это понималось в самых идеалистических представлениях русского дореволюционного офицерства и дворянства вообще, с другой стороны. А вместе это складывалось (поиграем в филологические игры) в «благочестие».

И о. Владимир очень хорошо сам анализировал и понимал эти две стороны характера свой личности, воспретившиеся в нём. Главку «Родители» своей автобиографической поэмы о детстве он завершает словами:

*Для народа нет кумира:
Одинаково нужны
И искусство в годы мира,
И защита в дни войны...*

*Олег Куликов,
исследователь творчества
протоиерея Владимира Шамонина
(Санкт-Петербург)*

УКАЗАТЕЛЬ

В указатель вошли персоны, мало известные широкому читателю, географические названия, принятые в период написания произведения, сокращения и наименования советских учреждений, упомянутые в основном тексте поэмы «Три года на Дальнем Востоке». Указатель раскрывает документальную достоверность событий, описанных в поэме.

Бабель Исаак Эммануилович (первоначальная фамилия *Бобель*) – русский советский писатель, переводчик, сценарист и драматург, журналист, военный корреспондент – *стр. 43*

Буренин Виктор Петрович (он же Владимир Монументов, Хуздозад Цередринов, Выборгский пустынный, граф Алексис Жасминов и пр.) – русский театральный и литературный критик, публицист, поэт-сатирик, драматург – *стр. 59*

Галенки совхоз – в составе Владивостокского лагеря имелось 3 совхоза «Галенки», «Иппапитовка», «Сальск». Задача этих подразделений обеспечивать сельхозпродукцией заключенных – *стр. 34, 41*

Горький Максим (1868–1936) – литературный псевдоним Алексея Максимовича Пешкова – русский писатель, прозаик, драматург – *стр. 42*

Дальлаг (Дальневосточный исправительно-трудовой лагерь) – подразделение, действовавшее в структуре Главного управления исправительно-трудовых лагерей Народного комиссариата внутренних дел СССР (ГУЛАГ НКВД СССР) – *стр. 41, 42, 55*

Дальстрой – государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы (с 1938 года – Главное Управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой», с 1945 года – Ордена Трудового Красного Знамени Главное Управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой», с марта 1946 года – подведомственно МВД СССР, с марта 1953 года – переподчинено Министерству металлургической промышленности СССР. Образован 13 ноября 1931 года, ликвидирован путём реорганизации 29 мая 1957 года – *стр. 21, 41, 55*

Девятисотка – пайка (суточная норма) хлеба в граммах – *стр. 109*

Дневальный – заключенный который убирает, моет, следит за чистотой, бегаёт в столовую за пайкой для блатных – *стр. 22, 47, 60, 106, 107*

День Алексея – 30 марта – память преподобного Алексея, человека Божия – *стр. 18*

Известия – советская общественно-политическая газета, учрежденная в январе 1917 года – *стр. 46*

Киновии – киновия, в переводе с греческого означает общежительный монастырь. В 1714 году царь Петр I подарил Александро-Невской лавре землю на

противоположном берегу Невы. В 1820 наместник лавры митрополит Михаил создал на пустынном участке что-то вроде летней дачи с хозяйством, храмом и общежитием для престарелых монахов и священников — *стр. 38*

Кондак – жанр церковной византийской гимнографии в форме стихотворной повествовательной проповеди, посвящённой тому или иному церковному празднику — *стр. 64*

Лекпом (лекарский помощник) – помощник врача, медработник с законченным средним медицинским образованием. Военно-фельдшерские школы до 1923 года назывались «Курсы красных лекпомов», в дальнейшем этот термин утратил официальное значение и уступил место термину фельдшер — *стр. 41, 61, 75*

Луга – город, административный центр Лужского района Ленинградской области. Он расположен на реке Луга и находится на расстоянии 140 км к югу от Санкт-Петербурга — *стр. 70*

Магдагачи – посёлок городского типа в России, административный центр Магдагачинского района Амурской области — *стр. 20*

Малолетка – осужденные несовершеннолетние дети. Само понятие «урка малолетка» появилось именно в ГУЛАГе, вот как описывает эту категорию заключенных Александр Солженицын: *«Малолетки безумышленны, они вовсе не думают оскорбить, они не притворяются: они действительно никого за людей не считают, кроме себя и старших воров! Они так ухватили мир! – и теперь держатся за это»* — *стр. 57*

Маслов – начальник второго участка совхоза «Среднебельский» — *стр. 111*

Метель – рассказ Льва Николаевича Толстого, написан и опубликован в 1856 году — *стр. 69*

Моргенштерн (Моргенштиерн) Илья Федорович – психографолог, основатель и председатель психографологического общества. Редактор-издатель журнала «Психографология». Автор одной из самых известных книг, содержащей характеристики значимых государственных деятелей, писателей и прочих исторических личностей. Его книга «Психографология» – наука об определении внутреннего мира человека по подчерку, одной из первых была издана после Октябрьской революции 1917 года из всех библиотек Советской России — *стр. 16*

Мурка – одна из самых известных дворовых песен (шансон) – песенный жанр, воспеваящий тяжёлый быт и нравы уголовной среды. Изначально ориентирован на заключённых и лиц, близких к преступному миру. Зародился в России в XIX веке, а окончательно сформировался в СССР — *стр. 57*

Надеждинская – железнодорожная станция Владивостокского отделения Дальневосточной железной дороги. Расположена в селе Вольно-Надеждинское Приморского края. Станция осуществляет приём и выдачу грузов повагонными отправками. На станции останавливаются все электропоезда. Пассажирские поезда в большинстве проходят станцию без остановки — *стр. 41*

- На Невском у бара** – дворовая песня (шансон) – *стр. 58*
- Нефёдов Дмитрий Иванович** – начальник участка совхоза «Среднебельский» – *стр. 113*
- Никитин Николай Николаевич** – (1895–1963) русский, советский писатель, драматург и сценарист – *стр. 43*
- Новиков-Прибой Алексей Силыч (Силантьевич)** – (1877–1944) (настоящая фамилия Новиков) русский, советский писатель-маринист и публицист. Лауреат Сталинской премии Второй степени – *стр. 43*
- Пасха – Светлое Христово Воскресение** – древнейший и самый важный христианский праздник. Установлен в честь Воскресения Иисуса Христа, которое является центром всей библейской истории и основой всего христианского учения. Владимир Шамонин встретил в заключении две Пасхи в 1934 – 8 апреля в поезде на пересылке, 1935 – 28 апреля в лагере – *стр. 20, 63, 64*
- Передольский Василий Васильевич** – (1869–1936) профессор кафедры антропологии и этнографии эстонского сектора Петроградского коммунистического университета. Родился в семье новгородского историка и краеведа Василия Степановича Передольского (1833–1907), собиравшего древности и организовавшего в своем доме в Новгороде частный музей. Участвовал с семьей в раскопках неолитической стоянки в урочище Коломцы у озера Ильмень. Совершил путешествия на реку Енисей в 1894, 1895 и 1898 гг., во время которых изучал быт местного населения, природные особенности региона. 25 февраля 1934 г. особой тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа по статьям 58-8 и 58-10 УК РСФСР приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в заключении 10 июня 1936 г. Судя по тексту поэмы «Три года на Дальнем Востоке», похоронен на лагерном кладбище совхоза «Среднебельский» – *стр. 102, 103, 104, 121*
- Перпункт** (Владивостокский пересыльный пункт Дальстроя) – лагерное подразделение, действовавшее в структуре Севвостлага ГУ СДС «Дальстрой» ОГПУ – НКВД СССР – *стр. 22, 24, 27, 41, 42, 58*
- Поддубный Иван Максимович** – (1871–1949) русский и советский профессиональный борец – *стр. 55*
- Правда** – советская газета, основанная лидером РСДРП (б) В.И. Лениным в 1912 году. Наиболее влиятельное издание в СССР – *стр. 46*
- Республика ШКИД** – приключенческая, отчасти автобиографическая, детская повесть Г. Белых и Л. Пантелеева о жизни беспризорных детей в Школе социально-индивидуального воспитания имени Достоевского (ШКИД), написанная в 1926 и изданная в 1927 году – *стр. 60*
- Рождество** – один из главных христианских праздников, установленный в честь рождения во плоти Иисуса Христа от Девы Марии – *стр. 70*
- Седанка** – пригород Владивостока, расположен на берегу Амурского залива в Советском районе города. Называется по реке, протекающей по его

территории. Здесь же находится Седанкинское водохранилище, вода которого обеспечивает водоснабжение города, в строительстве плотины которого принимали участие заключенные Дальлага — *стр. 73, 75*

Семьсотка – пайка (суточная норма) хлеба в граммах — *стр. 17*

Соломенная вдовица – жена, которая при живом муже временно осталась без его внимания и любви — *стр. 19*

Сталин Иосиф Виссарионович (настоящая фамилия Джугашвили) (1878–1953) – российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель — *стр. 43*

Скуфейка, Скуфья, скуфия (от греч. σκούφια «шапка») – повседневный головной убор православного духовенства и монахов, в контексте произведения под названием «скуфейка» подразумевается епископ, носящий этот головной убор — *стр. 62, 70*

Средняя Белая – совхоз в Амурской области. Организован в 1931 году. В 1935 году в совхозе было 4 отделения. Совхоз «Среднебельский» располагал большими земельными угодьями. Только пахотной землей насчитывалось более пятнадцати тысяч гектаров. Центральной усадьбой совхоза стала станция Средне-Белая — *стр. 88, 93, 101*

Тальман (англ. tallyman от англ. tally + англ. man) – должностное лицо, ответственное за учёт груза во время операций погрузки его на судно или при выгрузке с него — *стр. 49*

Теплушка – вагон НТВ (Нормальный Товарный Вагон), переоборудованный под перевозку людей или лошадей, как правило личного и конного состава — *стр. 22, 77, 83*

Толкак – локомотив в хвосте поезда, назначаемый в помощь ведущему локомотиву на отдельных перегонах или части перегона — *стр. 21*

Толстой Алексей Николаевич – (1883–1945) русский и советский писатель и общественный деятель из рода Толстых — *стр. 43*

Трёхсотка – пайка (суточная норма) хлеба. Изначально в сталинских лагеря пайка составляла восемьсот грамм хлеба в день. Вот как Варлам Шаламов описывает нормы питания в лагере в начале 30-х годов XX века в СССР: *«Каждый имел право на восемьсот граммов хлеба, на приварок – каши, винегреты, супы с мясом, с рыбой, а то и без мяса и без рыбы – по известным раскладкам на манер тюремных. Хлеб выдавался на каждый барак, и хлеборез барака резал пайки с вечера. И каждому клал на постель его пайку. В лагере никто не голодал. Тяжелых работ не было»*. Позже норму питания изменили, вместо восьмисотки арестант стал получать трехсотку, пятисотку, шестисотку, семисотку, восьмисотку и килограммную пайку — *стр. 55*

Тропарь (греч. τροπάριον) – в православной церкви – одно из кратких молитвенных песнопений, в котором раскрывается сущность праздника — *стр. 64, 70*

- Трудодень** – мера оценки и форма учёта количества и качества труда. По указанию Наркома НКВД в письме от 22.06.1934 за № 50902 трудоводень для заключенных был установлен десятичасовой, для сельскохозяйственных, и других сезонных работ 12-ти часовой рабочий день — *стр. 30*
- Урка** – заключенный, уголовник, отличающийся дерзким поведением. Урки (в этом смысле) ведут определенный образ жизни, практически всегда входят в какие-то преступные группировки, банды и поддерживают самые тесные связи с преступным миром. Для них не существует общепризнанных социальных норм. Они живут по своим правилам («понятиям») и с презрением относятся к обычным мирным гражданам — *стр. 18, 22, 47, 54, 55, 57, 58, 59, 64, 126*
- Филоны** – филон, лентяй, любитель пофилонить — *стр. 22*
- Фирсов мыс** – место где во времена заключения Владимира Шамонина на Дальнем востоке, располагался Владивостокский объединенный авиаотряд — *стр. 62*
- Форд Генри** – (1863–1947) американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей по всему миру, изобретатель, автор 161 патента США — *стр. 70*
- Цукерман** – судя по тексту поэму «Три года на Дальнем Востоке» – начальник пересыльного пункта — *стр. 58*
- Цинга** (польск. *dzięgna*) – болезнь, вызываемая недостатком витамина С. В первую очередь цинга характеризуется ломкостью сосудов с появлением на теле характерной геморрагической сыпи, кровоточивости дёсен — *стр. 22, 34, 78, 127*
- Чуковский Корней Иванович** (имя при рождении – *Николай Корнейчуков*) – (1882–1969) русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель, журналист — *стр. 43*
- Чуркин мыс** – железнодорожная станция Владивостокского отделения Дальневосточной железной дороги, конечная ветки от станции Первая Речка, в городской черте Владивостока — *стр. 27, 28, 29, 30, 40*
- Шишков Вячеслав Яковлевич** – (1873–1945) русский и советский писатель, известный своими описаниями Сибири. В 1946 году он был посмертно удостоен Сталинской государственной премии — *стр. 43, 60*
- 58 статья** – Статьи 58¹, 58^{1а} – 58^{1г} и 58² – 58¹⁴ Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в редакции 1926 года и более поздних редакциях устанавливали ответственность за контрреволюционную деятельность. Протоиерей Владимир Шамонин был арестован по так называемому делу «евлогиевцев». Это самое крупное церковно-следственное дело середины 1930-х гг. в Ленинграде по нему проходили 171 человек. Аресты начались 22 декабря 1933 г. и продолжались до 26 января 1934 г. В Доме предварительного заключения оказались священники главных храмов города, церковные активисты-миряне и даже два епископа – Сергей (Зенкевич) и Валериан (Рудич) — *стр. 77, 79*

СОДЕРЖАНИЕ

И в книгах память горькая жива.....	3
«Что нужно после, что в начале укажет Божия Рука»: жизнь и судьба протоиерея Владимира Шамонина	6
Встреча с несвятым святым.....	10
Даты жизни папы моего.....	12

ПЕРВЫЙ ГОД

Великий путь	16	Гроза.....	37
Дальстрой. Перпункт.....	22	Дочери Вере.....	38
Владивосток	24	Слепой певец.....	40
Письмо жене ко дню свадьбы.....	26	«Лучшие» места.....	41
«Зашивальщик»	27	Заявление	42
Чуркин Мыс.....	28	Светила.....	43
В стенгазету «Штурм севера».....	29	В стенгазету «Красная звезда»	45
Маркер.....	30	Мелочи.....	46
Разгрузка и пилка.....	31	Тальман.....	49
В совхоз.....	33	Этап.....	50
Совхоз «Галёнки»	34	Купец Садко.....	51
База Сенная	36	Новый год.....	52

ВТОРОЙ ГОД

Ветер – «урка».....	54	Рождество.....	70
Дальлаг.....	55	Письмо от Веруни.....	71
Урки-малолетки	57	Ковш давида	72
На перпункте.....	58	Водопровод «Седанка»	73
Чума	59	Лекпом шум	75
Дневальный-пийта	60	Зое – «твоя душа»	76
Люди-кресты.....	62	В хабаровск.....	77
Пасха	63	Кое-что	78
1-е мая.....	65	Молочная	80
Китайка.....	66	Виза	82
Козлёнок	67	Тысяча и одна ночь	83
За проволокой.....	68	Не Шехерезада	84
Дом отдыха	69		

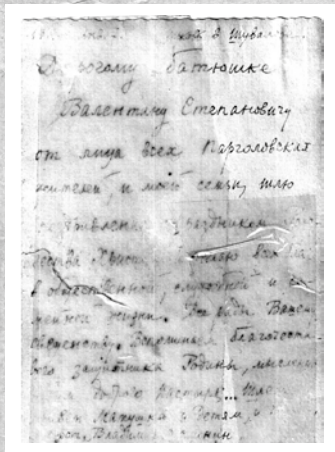
ТРЕТИЙ ГОД

На даче.....	86	Блатное место	106
Собачий вожак	88	Ночной дневальный	107
Совхоз «Средняя белая»	89	На кухне	108
Дочери Вере ко дню рождения	91	Овощехранилище	109
В природе	92	Лукохранилище	110
Жене ко дню свадьбы	93	Беленький домик	111
На бахче.....	95	Нефёдов	113
Больные работники	96	К осени	115
Сорняки.....	97	К зиме	116
В поле	98	Дочери Зое ко дню рождения	118
Дочери Варваре	99	Три китайца.....	119
Лук	100	Конец зимы	120
Дом отдыха	101	Конец труда	121
Василий Васильевич		Домой	122
Передольский	103	К детям и жене.....	124
Уборка помидоров	105	В поезде	126
Есть «люди-кресты».....			129
Лились твои молитвы к Свету, За мир, за нас, за всех и всё.....			137
Поэзия и поэтика отца Владимира.....			141
Указатель			147

Протоиерей
Владимир Шамонин. 1956 г.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

На обороте надпись рукой Владимира Шамонина: «Дорогому батюшке Валентину Степановичу от лица всех Парголовских жителей и моей семьи шлю поздравления с праздником Рождества Христова. Желаю всех благ в общественной, служебной и семейной жизни. Все рады Вашему священству. Вспоминаем благочестивого защитника Родины, мысленно ждём доброго пастыря... Шлём привет матушке и детям.
Прот. Владимир Шамонин»

Протоиерей Владимир Шамонин в детстве (сидит) с матерью Ольгой Васильевной Шамониной (урожденной Соколовской) и братом Анатолием. Сер. 1880-х гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Протоиерей Владимир Шамонин в детстве с братом Анатолием. Сер. 1880-х гг.

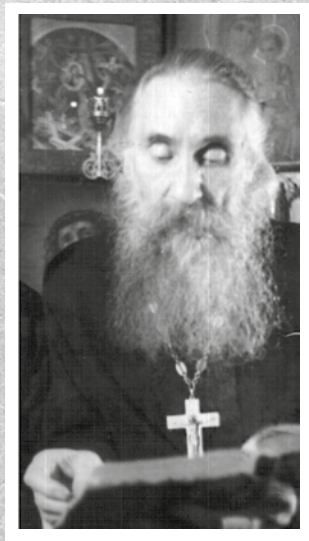
Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Протоиерей
Владимир Шамонин
с внучкой Александрой. 1937 г.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

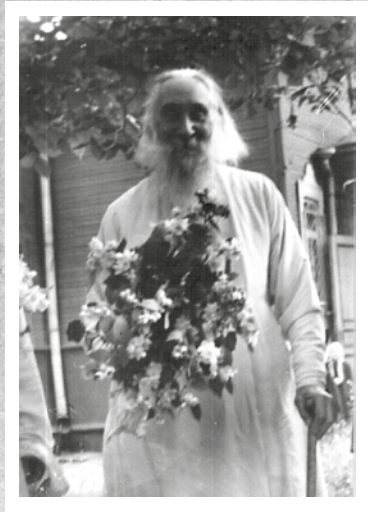
Протоиерей Владимир Шамонин
в гостях у инокини Ольги Ивановны,
алтарницы его храма. 1950-е гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Протоиерей
Владимир Шамонин.
1950-е гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Протоиерей Владимир Шамонин
на покое в день своего Ангела.
1950-е гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Кот Ослик. 1955 г.

На обороте рукой дочери протоиерея
Владимира Шамонина Зои надпись:
*«Ослик встречает меня с работы. Очень
умный и ласковый кот. Валдай, 1955 г.»*
Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Протоиерей Владимир Шамонин
с котом Осликом.
Конец 1950-х гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Кот Ослик на пороге дома Шамониных.
Конец 1950-х гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Матушка Варвара Шамонина –
жена протоиерея
Владимира Шамонина.
1960-е гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Жена протоиерея Владимира Шамонина Варвара во дворе своего дома. 1960-е гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Протоиерей Владимир Шамонин с супругой в саду своего дома. Конец 1950-х гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Спасо-Парголово́вский храм в селе Шувалово Ленинградской области. 1970-е гг.
На обороте рукой дочери протоиерея Владимира Шамонина Зои надпись: «В этом храме батюшка служил до своего ухода за штат»

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Храм Святого Благоверного Великого Князя
Александра Невского в селе Шувалово
Ленинградской области. 1960-1970-е гг.

На обороте рукой дочери протоиерея
Владимира Шамонина Зои надпись:
*«Малый храм, в котором некоторое время
служил о. Владимир. Оба храма находятся
на горе на кладбище»*

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Дочь протоиерея Владимира Шамонина
Шамонина Вера. 1967 г.

*Из коллекции музея-заповедника
«Пермь-36»*

Могила протоиерея Владимира Шамонина и его жены Варвары.
1970-е гг.

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Могила протоиерея Владимира Шамонина
и его супруги Варвары. 1970-е гг.

На обороте рукой дочери протоиерея
Владимира Шамонина Зои надпись:
*«Могила Матушки Варвары и
батьюшки о. Владимира. На решетке
видны фотографии. Сверху о. Владимира,
ниже м. Варвары»*

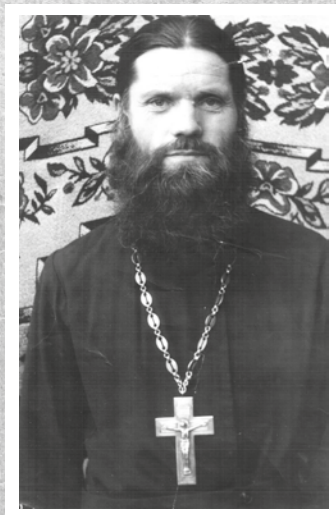
Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

Иерей Валентин Другов.
Конец 1950-х гг.

Из коллекции Духовно-просветительского
центра «Георгиевский дом» (Пермь)

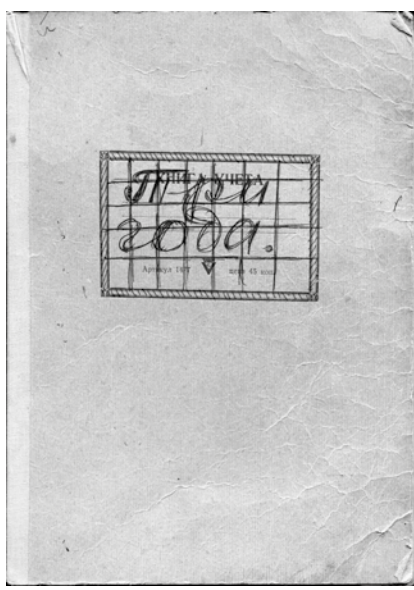
Иерей Валентин Другов

Из коллекции Духовно-просветительского
центра «Георгиевский дом» (Пермь)

Иерей Валентин Другов в Вознесенской
церкви села Васильевское Ильинского
района Молотовской области

Из коллекции Духовно-просветительского центра
«Георгиевский дом» (Пермь)

Обложки рукописи поэмы
«Три года на Дальнем Востоке»

Из коллекции музея-заповедника «Пермь-36»

16+

Протоиерей Владимир Шамонин

ТРИ ГОДА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Редакционная коллегия:

П. В. Миков, Н. Ю. Семакова, В. В. Дегтярников,
М. Г. Нечаев, Т. А. Лысковцева, М. А. Дорофеева
Компьютерная вёрстка и дизайн: М. В. Шумилова

Подписано в печать 27.02.2023 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 9,3.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 370. Тираж 1000 экз.

Отпечатано: ИП Худяков С. А.
614033, г. Пермь, ул. Куйбышева, 140 б
Тел. (342) 205-54-41,
e-mail: forward-s2011@yandex.ru

«Всю боль лишений, ужас нам —
 Не зачеркнёт, не уничтожит;
 Нет — этих тяжестей балат
 Мы примем испытаньем Божьим!»

Урок для меня —
 И подкайды

Всем ценю
 Твои свободы
 Как человеку
 Разве-пойма

Взлет и ой ба
 Твои муравей
 Нет, не на в
 Повесть ко

Земля и Керем Тесту
 Повесть «Вилла»
 У-и в стихах рисун
 Грозныйский

И тетрадь в моем кармане,
 как зеркальное стекло,
 отражает без облака
 Все, что в жизни-б ни текло.

Но в тени ветвистой кивки
 Я слышу о труде —
 На моем конверте буквы:
 «ДЗК», «ДЗК»!

«Как будто, дальнозорким стал
 Я в эти годы заточенья:
 Сквозь мысли зрительный кристалл
 Я вижу всё в увеличенье.»

ISBN 978-5-6047513-9-8

9 785604 751398